Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

«Ингушский государственный университет»

Кафедра филологии

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ВВОДНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

(в сопоставлении с русским языком)

Магистерская диссертация
студентки 2 курса
Бековой Людмилы Руслановны.

Научный руководитель:
Кандидат филологических наук
Э.Г.Оздоева.

Магас — 2014

Оглавление

Введение …….3.
Глава 1. Коммуникативно-прагматические основания исследования вводных и вставных элементов …….8.
1.1. Исследование вводных и вставных элементов: от структурно-семантического подхода к коммуникативно-прагматическому аспекту ….8.
1.2. Вводные и вставные элементы в координатах коммуникативно-прагматической ситуации и реализации коммуникативных установок говорящего субъекта…….
Выводы……
Глава 2. Коммуникативно-прагматическая классификация вводных элементов……..
2.1. Акцентно-утвердительные вводные элементы, реализующие коммуникативные установки……..
2.2. Акцентно-вероятностные вводные элементы, реализующие коммуникативные установки……..
2.3. Эмотивно-квалификативные вводные элементы, реализующие коммуникативные установки ……
2.4. Адресно-маркированные вводные элементы, реализующие коммуникативные установки
2.5. Фатические вводные элементы, реализующие коммуникативные установки
2.6. Метатекстовые вводные элементы, реализующие коммуникативные установки
2.7. Вводные элементы в свете теории речевых актов
Выводы
Заключение
Список литературы
Список словарей

Введение

Коммуникативно-прагматические исследования вводных и вставных элементов представляют языковедческое направление в рамках системно-структурного подхода к познанию языка, объектом изучения которого является язык в деятельности человека, язык в процессе межличностного взаимодействия.

В 80-е годы XX столетия в рамках системно-структурного подхода к познанию языка под влиянием теоретических разработок классиков отечественной лингвистики (А.А. Потебни, Л.В. Щербы, А.М. Пешковского, Е.Д. Поливанова, Л.П. Якубинского, В.А. Звегинцева), выдающихся отечественных психологов (Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна) и зарубежных исследователей (В. фон Гумбольдта, Э. Бенвениста, Л. Витгенштейна, П. Грайса, Т. ван Дейка, Ч. Морриса, Д. Остина, Ч. Пирса, Дж, Серля и др.) в языковедении сформировалась мультидисциплина коммуникативно-прагматического направления.

Современное состояние проблемы метаязыковых компонентов как универсальной синтаксической категории требует учета антропоцентрического фактора в языке, поведения человеческой личности в процессе коммуникации (коммуникативные установки и эмоциональное состояние участников речевого обшения, способы воздействия на адресата речи и т. п.). Исходя из концепции деятельностной сущности человека, исследователи все больше обращают внимание на социальные, психологические, прагматические аспекты речевого поведения личности. Данная тенденция прежде всего связана с проблемой изучения «языка в действии», в рамках которой ведутся современные лингвистические изыскания.

Человек сообщает о фактах и событиях или обозначает реакции на них, определенным способом вер-
бализует чувства и желания в процессе познавательной деятельности, словесно формирует понятия, мысли и умозаключения, вступает в коммуника-

тивные контакты, побуждает собеседника к тому или иному действию.

Все это многообразие речевых потребностей и проявлений в своей коммуникативной завершенности реализуется в первую очередь через синтаксис, с по мощью синтаксических ресурсов языка.

Одним из таких языковых ресурсов является сложившаяся в синтаксисе русского языка система вводных элементов, образующая «коммуникативно-прагматическую категорию с общим содержанием субъективного, оценочного отношения говорящего к высказыванию» [Лекант П.А., 1998: 3] и вставных элементов с разной степенью коммуникативной заданности, которые могут быть квалифицированы «как добавочные по отношению к содержанию основного предложения» [Гусаренко С.В., 1999: 6] и текста определенного композиционно-содержательного типа.

Трактовка вводных слов, словосочетаний и вставных предложений - одна из нерешенных лингвистических проблем, хотя и привлекала внимание многих исследователей. Так, неоднократно лингвисты обращались к изучению истории вводных слов в русском языке (И.А. Бабакова 1955, В.А. Глухова 1977), к рассмотрению грамматических и семантических свойств вводных слов и словосочетаний (А.И. Аникин 1956, А.И. Студнева 1969, Р.А. Маркарян 1987, П.А. Лекант 1988, Л.И. Василенко 1990), к специфике связи вводных элементов с высказыванием (А.М. Пешковский 1938, А.А. Шахматов 1941, А.И. Аникин 1956, А.Г. Руднев 1968, И.И. Мещанинов 1976), к рассмотрению вводных единиц как одного из средств выражения модальности предложения (В.В. Виноградов 1950, А.А. Корнилов 1973, В.З. Панфилов 1977, Г.П. Немец 1991), к анализу модальной характеристики вводных компонентов (А.И.Останин 1968, В.В. Востоков 1976, Е.С.Яковлева 1984, Е.И. Беляева 1991, Т.И. Стексова 1992, И.В.Столярова 1992), к их интонационным особенностям (Р.М.Романова 1971, З.М. Базарбаева 1991), к изучению функционирования вводных и

вставных компонентов в составе различных видов предложений, в составе текста (А.И. Студнева 1969, М.С.Черткова 1969, В.В.Амосова 1971, Л.В. Анисимова 1982, Г.А. Золотова 1983, А.М. Баранов, И.М. Кобозева 1984, СВ. Гусаренко 1999, Ю.Г. Полякова 2001). Рассматривались и частные случаи союзной функции вводных компонентов в структуре предложения (текста) (М.Е. Боскова 1959, Н.В. Муравьева 1980, Т.С. Алгазина 1994).

Однако, несмотря на то, что разнообразные вводные и вставные элементы уже долгое время являются предметом пристального внимания лингвистов, до сих пор различна их интерпретация и методика описания. Более того, исследователи используют различную терминологию, многообразные описания данных речевых элементов.

Так в работах ученых можно встретить термины «вводные слова и словосочетания» (А.Н. Баранов, М.Е. Боскова, В.И. Бухарин, Д.И. Ганич, И.М. Кобозева, В.М. Никитин, А.И. Останин), «вводно-модальные слова» (Л.В. Анисимова, Г.А. Золотова), «вводные» или «вводно-союзные компоненты» (Т.С. Алгазина, Л.К. Дмитриева, П.А. Лекант, И.В. Столярова), и «вводно-модальные единицы» (В.В. Амосова), «вводные Конструкции» (Е.М. Галкина-Федорук, П.И. Седун), «вводные слова и обороты (Е.В. Падучева), «вводные предложения, вставные элементы, вставки, вставные конструкции» (СВ. Гусаренко, А.И. Студнева), «вводные высказывания» (Е.Н. Горбачева) и др.

В настоящем исследовании, вслед за В.В. Востоковым, А.А. Корниловым, В.Я. Плоткиным, Н.В. Рачук, М.Н. Рудковской, Ю.М Скребневым рассматриваемые речевые единицы считаем возможным именовать «вводными и вставными элементами», объединяющими и вводные слова, и вводные словосочетания, и вводные предложения и вставные конструкции, так как все они не связаны с предложением синтаксической связью, «выражают отношение говорящего к высказываемой мысли» (Грамматика 1980, Е.М. Галкина-Федорук 1958,

Т.Г. Ночтенная 1968, А.Н.Гвоздев 1973, Н.С Валгина 1991), то есть могут содержать указания на степень достоверности сообщения, на характер протекания действия, могут выражать эмоциональную оценку высказывания, указывать на его источник, содержать замечания по поводу словоупотребления, стиля и тона речи, устанавливать связь между данным сообщением и предыдущим или последующим и имеют особую интонацию (Р.М. Романова 1971, З.М. Базарбаева 1991).

В то же время вводные и вставные элементы - это одно из средств, характерных для связи между самостоятельными предложениями в тексте.

Актуальность предпринятого исследования определяется двумя основными факторами:

1. В лингвистических исследованиях последнего десятилетия XX века четко определены контуры новых концепций, ориентированных на изучение корпуса вводных и вставных элементов современного русского языка в рамках общенаучной проблемы «человек в языке», и в частности — творящий дискурс человек. Этим обусловлен значительный интерес лингвистов, направленный на выявление коммуникативной специфики и прагматических свойств вводных и вставных элементов.

2. На фоне широкомасштабных исследований в области коммуникативной прагматики, функционального синтаксиса, прагмалингвистики текста, текстовой коммуникации изучение явления вводности и вставочности в коммуникативно-прагматическом направлении пока не получило должного описания, обоснования и достаточно развернутой модели лингвистического анализа, что и определило первоочередные задачи предпринятого нами диссертационного исследования.

Объектом диссертационного исследования являются вводные и вставные элементы русского языка в контексте коммуникативно-прагматической деятельности.

Предмет исследования - коммуникативно-прагматические свойства вводных и вставных элементов в актах деятельности общения.

Цель настоящей работы заключается в анализе и систематизированном описании коммуникативно-прагматических свойств вводных и вставных элементов русского языка.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Выявить специфику коммуникативно-прагматического содержания вводных и вставных элементов и их интенциональную обусловленность;
2. Определить коммуникативно-прагматический потенциал вводных и вставных элементов в тексте, их роль в оптимизации речевого общения;
3. Классифицировать вводные элементы в зависимости от реализации ими коммуникативно-прагматических установок;
4. Классифицировать вставные элементы в зависимости от реализации ими коммуникативно-прагматических установок как в высказывании, так и в тексте в целом.

Методологической базой исследования служат:

а) теоретико-методологическая концепция деятельности как принципа исследования коммуникативно-прагматической предназначенности вводных и вставных элементов;

б) лингвофилософские положения о субъектно-объектных механизмах функционирования речевых единиц, в том числе вводных и вставных элементов, сформулированные в отечественном и зарубежном языкознании;

в) современные психолингвистические идеи о речевой деятельности и социолингвистические разработки основ речевой коммуникации, использующей коммуникативно и прагматически значимые метатекстовые элементы;

г) социокультурные принципы изучения языковой картины мира.

Реализация поставленных задач осуществляется с помощью следующих **методов и приемов:**

а) *описательного метода с* применением приемов наблюдения, интерпретации, сопоставления, обобщения и типологизации;

б) *методики контекстуального и ситуативно-контекстуального анализа*, учитывающего ситуативно-детерминированные связи речевых единиц причины и способы их употребления;

в) *метода коммуникативно-прагматического анализа*, посредством которого устанавливается корреляция между разнообразными способами речевого употребления вводных и вставных элементов и параметрами коммуникативно-прагматической ситуации.

Источниками исследования являются прозаические, драматургические и публицистические произведения авторов.

Материалом исследования послужила картотека высказываний и сложно-синтаксических целых с вводными и вставными элементами, извлеченных метоодом сплошной выборки из художественных и публицистических текстов. Картотека содержит свыше 300 примеров.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые пред-принято коммуникативно-прагматическое описание вводных и вставных элементов русского языка, а также по итогам исследования впервые пред-ставлена их коммуникативно-прагматическая классификация.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что изуче-ние свойств вводных и вставных элементов в коммуникативно-прагматическом аспекте позволяет аргументированно представить интен-циональную обусловленность вводных и вставных элементов, их роль в оптимизации речевого общения.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ма-териалы коммуникативно-прагматического описания вводных элементов могут быть использованы в лексикографической практике (при созданци словарей специализированной сферы общения, сводного словаря комму-никативно-прагматических речевых единиц), а результаты данного иссле-дования могут послужить материалом для разработки спецкурсов в вузов-ском и щкольном преподавании русского языка, в курсе риторики, стили-стики, культуры речи и других разделов современного русского языка.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав и заключения, а также списка литературы, списка словарей.

Положения, выносимые на защиту.

1. Сложившуюся в синтаксисе систему
вводных элементов можно рассматривать как коммуникативно-прагматическую категорию с общим содержанием субъективного, оценочного отношения говорящего к высказыванию.
2. Вводные и вставные элементы, используемые в определенной коммуникативно-прагматической ситуации, реализуют свое содержание путем актуализации индивидуально-авторских комментариев, что позволяет представить типологию вводных и вставных элементов основанную на характере коммуникативных интенций.
3. Прагматическая семантика вводных элементов коммуникативной заданности реализуется набором частных значений: акцентно-утвердительные, акцентно-вероятностные, эмотивно-квалификативные, адресно-маркированные,
фатические и метатекстовые вводные элементы, которые призваны отражать различные коммуникативные установки субъекта речи.

Глава 1. Коммуникативно-прагматические основания исследования вводных элементов

1.1. Исследование вводных элементов: от структурно-семантического подхода к коммуникативно-прагматическому аспекту

Проблема метатекстовых элементов (вводных и вставных элементов высказывания и сверхфразовых единств) привлекает к себе пристальное внимание исследователей на протяжении всей истории отечественной лингвистики. Так, например, ученых интересует, что собою представляют вводность и вставочность с точки зрения функциональной, семантической, грамматической точек зрения, каково их назначение и положение в структуре предложения и текста, а также роль в оформлении высказывания в речи.

Неоспорим тот факт, что подход к изучению метатекстовых элементов в синтаксисе русского языка должен осуществляться не только в русле сложившихся в языкознании традиций, но и с коммуникативно прагматических позиций.

Изучение научного наследия по вопросу о вводных элементах (в том числе и вставных) показало, что, начиная с М.В. Ломоносова, каждый из крупных лингвистов (Н.И. Греч, И.И. Давыдов, А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев,

А.А. Потебня, Д.Н. Овсянико-Куликовский, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов и др.) ставил вопрос о категории вводности и так или иначе разрешал его в зависимости от исходных методологических позиций.

Однако глубокому и всестороннему анализу вводные и вставные компоненты с позиций речевой деятельности не подвергались, и специально проблема вводности и вставочности в этом аспекте широко не обсуждалась.

Следует отметить, что термин «вводность» долгие годы в лингвистике понимался весьма широко, трактовался неоднозначно и вследствие этого зачастую поглощал понятие «вставочности», которое подчас заменялось термином «вводные предложения» (А.И. Студнева 1968, 1969).

В трудах М.В. Ломоносова понятие «вводный член предложения» отсутствует. Большинство вводных слов он относит к наречиям.

В «Российской грамматике» М.В. Ломоносова (1757г.) упоминается о вставочных конструкциях в главе IV, озаглавленной «О знаках», где мы находим следующее: «Вместительный знак слово или целый разум в речь вмещает без союза и порядочного сочинения: «Меня *(кто бы подумал?)* от тебя отлучают» [Ломоносов М.В., 1757: 42]. Обращает на себя внимание, тот факт, что элемент *кто бы подумал* является вставочным элементом.

В работе Н.И.Греча «Практическая русская грамматика» (1827г.) не употребляется еще термин «вставная конструкция» и не выделяются вставные конструкции из числа вводных. Н.И. Греч, однако, указывает на то, что вводное предложение - это особое предложение, которое только вставляется в середину речи, не нодчиняясь другим членам предложения.

Автор переводит изучение вставок с уровня пунктуационного на уровень грамматический. При этом он также отмечает смысловую связь «вводного предложения» с одним из главных членов основного предложения - с подлежащим или со сказуемым, смотря по тому, какая часть преимущественно объясняется. Здесь мы впервые встречаем указание

лингвиста на особую коммуникативно- прагматическую функцию вставного элемента - пояснить, уточнить, дополнить общее содержание высказывания.

В «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» П.И. Давыдова отмечается способность некоторых «наречий» *{действительно, может быть* и др.) выражать значение сказуемого: действительность, необходимость. Эта функция сближает их с категорией наклонения глагола.

С данного периода в грамматике стали рассматриваться «вводные слова и предложения», при этом к вводным относятся как собственно вводные конструкции, так и вставки. Вводность и вставочность как языковые явления еще не различаются, однако уже на этом этапе делаются попытки их разграничения. Так, в работах А.Х. Востокова, И. Давыдова, в первом издании «Начертаний русского синтаксиса» П. Перевлесского (1843г.) выделяются два типа вводных предложений: одни из них выражают модальные значения, другие являются средством сообщения добавочного замечания.

Исследователями русского языка начала XIX в. (А.Х. Востоковым, затем Ф.И. Буслаевым и др.) было отмечено такое явление, когда некоторые слова или группы слов с разной степенью смысловой законченности в составе предложения не обнаруживают видимой формальной и необходимой смысловой связи с этим предложением. А.Х. Востоков в «Русской грамматике» употребляет понятие «вводное предложение», но в его определении нет четкости: «между частями главного предложения может вставлено быть особое предложение, называемое вводным, которое не привязывается местоимениями или союзами к главному предложению, и может быть онущено без нарушения смысла» [Цитирую по: Руднев А.Г., 1968:174].

В данном определении:

а) вставка называется вводным предложением;

б) рассматривается структурно-семантическая характеристика вставного предложения;

в) *не* актуализируется внимание на позиции говорящего, который эту вставку все-таки употребил в речи.

В.А. Богородицкий, не касаясь вопроса происхождения вводных предложений, отмечает существование таких конструкций, которые, «будучи совершенно независимыми, вставляются в другое предложение без каких-либо связуюпщх слов, это - так называемые вводные предложения. При произношении они получают особый темп и другую силу, и тон» [Богородицкий В.А., 1935: 240]. Здесь мы уже видим косвенное указание на метатекстовую функцию вводных конструкций в одном из аспектов - особом интонационном оформлении, которое впоследствии В.А. Белошапкова выделит в особый признак вставочности, - «коммуникативную сдвинутость предложения, выражаемую интонационно» [ОнишкоСГ.,1997:5].

Понятие вводности, как известно, стремился обосновать И.И.Мещанинов. «Это те слова, - писал он, - которые в известной своей части выступают в вводных членах предложения и потому не входят в синтаксические отношения с отдельными словами предложения, а относятся ко всему высказыванию целико» [Мещанинов И.И., 1975: 288].

Позиция ученого опирается на структурно-семантический подход к вставкам, при этом о метатекстовом назначении вводных элементов речь не идет вообще.

Этой же точки зрения придерживался и Ф.И. Буслаев, который в «Исторической грамматике русского языка» рассматривает вводные слова как разновидность одного из сложных или слитных предложений, которые должны быть соединены по способу подчинения, но вставлены в предложение без всякой «видимой» грамматической связи [Буслаев Ф.И., 1959: 64].

Однако в отличие от А.Х. Востокова и Н.И. Греча, Ф.И. Буслаев не допускает у, возможности «опущения» вводных единиц из состава предложения и не отрицает вообще наличия связи вводных единиц с предложением.

Мы можем предположить, что исследователь здесь намечает более широкий, по сравнению со структурно-семантическим, подход к исследованию вводных и вставных конструкций, который представлен пока лишь как проблема.

В рамках традиционной грамматики А.А. Потебня дал некоторый материал, обогащающий представления о генетической природе вводных конструкций. Он указал этимологию ряда модальных слов и частиц; например: *пожалуй, небось,* ***чай,*** возникших на месте сказуемых в форме повелительного наклонения; ***чать, чуть,*** возникших на месте составного сказуемого, состоящего из инфинитива с вспомогательным глаголом *есть; авось* - частицы, возникшей от местоименного указания на будущее событие.

Можно с уверенностью говорить о первых нопытках классификации вводных и вставных элементов на основе диахронии.

В учении А.А. Потебни вводные слова изображались как вводные предложения или как остатки вводных предложений. Аналогичный взгляд лег в основу анализа вводных слов в «Синтаксисе русского языка» Д.Н. Овсянико-Куликовского. Ученый рассматривал вводные слова как «часть «часть неоконченного, недоговоренного «предложения» или «как результат сокращения некогда полного предложения», от которого осталась лишь та или другая часть, иногда превратившаяся в частицу» [Цитирую по: Руднев А.Г., 1968: 175].

Эта позиция и лежит в основе современной и весьма актуальной проблемы смешения понятий вводности и вставочности, разграничения вводных и вставных элементов.

Д.Н. Овсянико-Куликовский чрезвычайно противоречиво охарактеризовал и синтаксическую природу внешней связи вводных единиц, так что

вторая часть определения как бы отрицает первую. Это «слова, находящиеся вне предложения, но при нем» [Цитирую по: Руднев А.Г., 1968: 175].

Необходимо заметить, что, рассматривая предикативность предложения и отмечая как ее характерную черту «различение трех грамматических лиц», Д.Н. Овсянико-Куликовский указывает на особое ноложение первого лица, то есть лица говорящего: «В известном смысле оно всегда чувствуется в каждом акте предицирования, скрываясь, если можно так выразиться, за кулисами его, откуда иногда оно как бы «выглядывает» вроде: ***например, полагаю, мне кажется*** и т.п.» [Овсянико-Куликовский Д.Н., 1912: 30]. Что уже, на наш взгляд, отражало наличие субъективной точки зрения в предложении, то есть, выражения отношения к сообщаемому со стороны *говорящего.*

Изложение проблемы по вводным словам и словосочетаниям излагается в трудах А.М. Пешковского. Для нас важным является тот факт, что, определяя вводность как субъективно-объективную категорию, А.М. Пешковский указывает на то, что вводные слова показывают, «как говорящий относится к той или другой мысли: верит он в нее или нет, доволен он ей или нет, хочет он ее осуществления или нет и т.д.» [Пешковский А.М., 1956: 372].

Академик А.А. Шахматов признает наличие в русском языке и вводных слов, и вводных предложений, но в «Синтаксисе русского языка» он рассматривает только вводные слова. При этом А.А. Шахматов несколько сужает объем явления вводности. Он признает вводными словами только редуцированные предложения. Вводные слова «являются редуцированными по своему смыслу предложения и восходят к действительным, настоящим предложениям″ [Шахматов А.А., 1941: 265].

Таким образом, вне поля его зрения остаются те вводные слова и словосочетания, которые не происходят от предложений. В частности, *по-видимому* он считает наречием. Отказ от рассмотрения таких слов как вводных сказался и на оценке роли тех вводных слов, которые восходят к пред-

ложениям.

Так, А.А. Шахматов указывает, что вводные слова «вносят в предложение определенное значение, видоизменяя, так или иначе, или дополняя сказуемое предложения» [Шахматов А.А., 1941: 265]. А семантико синтаксическую функцию вводных слов ученый определял следующим образом: «Вне предложения, но введенными в его состав оказываются так называемые вводные слова или вводные предложения. Они в большинстве случаев вводят в состав предложения то или иное сопутствующее представление» [Шахматов А.А., 1941: 47]. Это утверждение представляется для нас весьма существенным в аспекте выделения класса так называемых вводных и вставных элементов «метаязыкового комментирования» [Онишко С.Г., 1997: 3].

В последующих трудах выдающихся лингвистов можно проследить как формировались знания о вводных элементах, каковы были способы описания, терминологического определения, как доказывались основания для их классификации, как дифференцировались различные аспекты изучения вводных элементов, которые отразили многоаспектные исследования явлений вводности, в том числе и русле коммуникативной прагматики.

Со второй половины XX века в связи с выдвинутым академиком В.В. Виноградовым понятием модальности как многообразного языкового проявления оценочной, интеллектуальной и эмоциональной, а также волевой деятельности человека, и попыткой поставить вводные единицы в связь с этим понятием интерес к проблеме вводных и вставных элементов стремительно возрастает.

«Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, то есть содержит в себе указание на отношение к действительности» [Виноградов В.В., 1950: 41]. Несмотря на расплывчатое определение самого понятия «модальность» и круга тех языковых средств, которые служат для ее выражения, изучение структуры предложения с точки

зрения его модальных свойств развернулось чрезвычайно широко. Категорию модальности дифференцируют на объективную и субъективную. Объективная модальность отражает объективные связи и отношения между элементами денотативной ситуации и является обязательным признаком любого высказывания.

Субъективная модальность выражает оценочно-характеризующее отношение к достоверности мыслительного содержания, отражающее соответствующую ситуацию, а основным средством выражения субъективного аспекта модальности служат вводные слова ***-конечно, действительно, вероятно, безусловно.***

Например:

*Иное, **конечно,** дело люди, "двуязычные": в совершенстве владея вторым языком, они, **вероятно,** могут "думать" и на каэ/сдом из двух, по эюеланию (Л. Успенский. «Слово о словах»).*

«Вводные синтагмы», по мнению В.В.Виноградова, используются для «выражения разных логических и эмоционально-оценочных значений и разных стилистических квалификаций речи и отражают точку зрения говорящего: оценку высказываемой мысли или сноcоба ее выражения» [Виноградов В.В.,1975: 70], и далее «... вместе с тем, очевидно, что модальные краски и оттенки, введением синтагм, образуют как бы второй слой модальньгк значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение» [Виноградов В.В.,

1975:75].

Весьма существенно в связи с этим и мнение академика И.И. Мещанинова, указывающего на то, что «к числу выделяемых в особую часть речи вводных (модальных) слов можно присоединить только такие слова, которые получили специальное назначение выступать в вводном члене субъективной оценки и закрепляются за этим членом предложения». [Мещанинов И.И.,

1945: 74]. Как отмечал В.В.Виноградов, из множества слов, оборотов, предложений, «передающих детали субъективного выражения во всех его возможных смысловых разновидностях многохарактерной речевой экспрессии», лишь сравнительно, незначительная часть «попадает в постоянное использование в этих вводных членах предложения и в них приобретает свое особое и уже стабильное оформление» [Виноградов В.В., 1972:74].

Термином «субъективная модальность» обозначается формально неоднородный круг средств, используемых говорящим для выражения своего личного отношения к тому, о чем он сообщает. К сфере субъективной модальности относятся разные аспекты интеллектуальных квалификаций и оценок, а также значения, связанные с выражением эмоциональных и волевых реакций говорящего.

Следует заметить, что «субъективная модальность охватывает всю гамму реально существующих в языке разноаспектных и разнохарактерных способов квалификации сообщаемого и реализуется лексико-грамматическим классом слов, эти средства обычно занимают в составе высказывания синтагматически автономную позицию и функционируют в качестве вводных единиц» (Лингвистический энциклопедический словарь, 2002: 303). Таким образом, становится очевидным, что субъективная модальность - это категория языка, которая имеет одним из репрезентантов в предложении вводные единицы.

Так, например, для того, чтобы выразить субъективную оценку предположения говорящего лица используется вводные конструкция *может* ***быть.***

Нынешним летом потянуло меня опять в ту дорогу, как тянет журавля на старые гнездовья. ***Может быть,*** *мне хотелось увидеть своими*

глазами, как все теперь изменилось к лучшему? ***А может быть,*** *хотелось забраться глубже, дальше в ту страну, куда ведет нескончаемая нить воспоминаний, назад к юности, к детству, к изначальным истокам? Кто его знает, что толкало меня в эту дорогу (Б. Можаев. «По дороге в Мегцеру»).*

В данном примере говорящий использует вводное сочетание *можсет быть* для выражения отношения говорящего к сообщаемому с точки зрения недостоверности.

В лингвистических изысканиях понятия вводности и модальности в большинстве случаев отождествляется. Лингвистический статус модальности определяется также средствами, которые обеспечивают функциональную сущность этой категории в языке. Традиционно все модальные средства называют вводными или модальными словами. (Е.М. Галкина-Федорук, Р.Н. Попов, Г.Я. Солганик, Е.С. Скобликова, А.Н. Тихонов, Н.Н. Холодов). Если исходить из положения, которое лежит в основе трактовки понятий «вводность» и «модальность», определяющей их различие, и, которое, видимо, обусловлено их взаимодействием, то следует, несомненно, обратиться к выводам В.В. Виноградова, который писал: «Само название модальных слов «вводными» только внешне обозначало их место в связной речи, но не определяло их внутренней грамматической природы в современном языке» [Виноградов В.В., 1972:74].

Мнение о том, что вводные единицы формально не связаны с предложением, прочно держится в нашей науке, в частности, в работах А.Н. Гвоздева, А.Б. Шапиро, Д.Э. Розенталя, В.А. Белошапковой и др.

Тем не менее, попытки обнаружить синтаксическую связь вводных слов с отдельными словами предложения, с его частями или со всем предложением в целом становятся все более настойчивыми. А.И. Аникин, нанример, сближает эту связь с примыканием [Аникин А.И., 1956: 22-27]. Это мнение идет еще от академика А.А. Шахматова. Д.И. Ганич настойчиво проводит мысль о том, что грамматическая связь вводных слов с предложением

суш;ествует (при этом он исходит из того, что, где есть смысловые связи, там есть и грамматические связи), что она выражается в интонации и в порядке слов, но дать свое определение этой связи он не решается [Ганич Д.И., 1957: 12].

Дальше всех в этом направлении идет, сколько мы можем судить, А.Г. Руднев. Автор нишет, что «собственно вводные слова или группы слов выделяются в составе предложения как особый член предложения с особым назначением, отличным от других членов предложения» [Руднев А.Г., 1959: 146].

Вводное слово становится особым членом предложения на основе существования между вводным словом и определяемым, по мнению А.Г. Руднева, членом предложения особой соотносительной связи, которая есть не что иное, как смысловая связь, грамматически выраженная фактом включения в состав предложения и соседством определяющих и определяемых слов. По словам А.Г. Руднева, вводные слова, выполняя определенные смысловые функции в предложении и имея свое специфическое грамматическое оформление, стоят не вне его, не при нем, а в нем, выступая в роли особого вводного члена предложения или вводного предложения.

Мама, Ольга Петровна, была, как всегда, занята хозяйством, в котором ей помогал только приказчик, — староста, ***как называли его на дворне.***

- часто бывала в поле, ложилась спать, как только темнело (И. Бунин. «Митина любовь»).

Или же в другом контексте:

- Ну, что же, теперь, ***я надеюсь,*** *вы вспомнили мою фамилию?*

Но Степа только стыдливо улыбнулся и развел руками (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Таким образом, отрицается «членство» вводных слов в предложении с точки зрения традиционных представлений о членах предложения, но признается в качестве факта особого рода. В соответствии с этим и связь ввод-

ных слов в предложении трактуется как особая, отличная от всех видов подчинения и сочинения, но, которая может быть охарактеризована, однако, как зависимая.

Существует и третья точка зрения, суть которой можно уяснить, в частности, из определения вводного образования, данного И.И. Седуном.

Вводными он называет «нобочные образования в составе нредложения, свя-
занные с ними формами прерывистых связей и включаемые в него с сохранением формальной независимости...» [СедунП.И., 1955: 5]. От предыдущей данная точка зрения отличается именно тем, что, утверждая наличие связи, она характеризует ее как независимую.

Это мнение идет частично от В.А. Богородицкого. Сходный взгляд на вводные конструкции высказывает академик И.И. Мещанинов. Ш. Балли называет рассматриваемую нами связь (применительно к французскому языку) сочинением [Балли Ш., 1955: 66].

В лингвистическом наследии XX столетия по вопросу о вводных и вставных конструкциях дискуссионными остаются вопросы относительно объединения их нод общим термином «вводные». В работе СИ. Абакумова «Методика пунктуации» (1947г.), в которой указывается на многообразие языковых явлений, объединенных термином «вводные»; общим для всех этих явлений с формальной стороны становится их синтаксическая изолированность; распознавать их можно только со стороны значения.

Автор «Методики пунктуации» в связи с изучением «вводных слов, словосочетаний и предложений» предлагает сообщать учащимся «список слов, которые принято (частью по традиции) считать вводными» [Абакумов СИ., 1947: 65].

Такой подход к изучению вводных элементов не мог не привлечь внимания лингвистов. В 1948 году А.Б. Шапиро дает рецензию на работу СИ. Абакумова «Методика нунктуации». Именно в этой работе А.Б. Шапиро

впервые указал на необходимость разграничения вводных конструкций и вставок. Он отмечал, что СИ. Абакумов слишком широко использовал термин «вводные слова и предложения», когда говорил, что вводные предложения, более обширные по объему, пишутся в скобках.

По мнению А.Б. Шапиро, вставными являются «слова, группы слов, предложения, группы предложений, имеющие особую функцию - добавочного, ранее не предполагавшегося к включению в основную ткань предложения, замечания»

[Шапиро А.Б., 1948: 63].

Важным в данной работе является и то, что автор указывает на возможность грамматической связи вставок с членами основного предложения или со всем основным предложением, в то время как вводные слова и предложения такой связи не имеют. Подчеркивается, что именно вставки обладают возможностью грамматической связи. В более ноздней работе «Современный русский язык. Пунктуация» (1966г.)

А.Б. Шапиро говорит, что «вставочный характер может иметь почти любой член предложения, многие типы придаточных предложений в составе сложного, но наряду с этим существуют такие слова, предложения, которые ни в каких синтаксических отношениях с основной частью предложения не находятся» [Шапиро А.Б., 1966: 192].

Таким образом, ученый одним из первых выделяет две группы вставок: связанные с основным предложением и не связанные с ним.

Большинство исследователей обосновывает необходимость строгого разграничения вводных конструкций и вставных, руководствуясь различиями этих категорий по смысловому содержанию, функциям в речи, лексико-грамматическими свойствами и особенностями в синтаксическом оформлении вводных и вставных конструкций (порядок слов, характер внутренней структуры и пр.) [Щеболева И.И., 1955: 87-109, Тихомиров В., 1963: 100-102].

Мы считаем, что состояние вопроса требует именно коммуникативно-прагматического изучения специфики тех и других конструкций, поэтому и выделяем вводные конструкции в особую категорию, отличную от вставок на основании различного характера реализуемых интенций говорящего.

В связи с этим весьма интересна полемика, возникшая между учеными по вопросу необходимости разграничения вводных конструкций и вставок. Так, А.Г. Руднев в работе «Синтаксис осложненного предложения» (1959г.), критикуя выдвинутый А.Б. Шапиро принцип разграничения названных синтаксических явлений, считает доводы автора недостаточными для признания вставочности в качестве особой синтаксической категории, поскольку вставки не имеют, по мнению А.Г. Руднева, отличных от вводных слов смысловых функций и особого оформления, составляющих единство формы и содержания как необходимых элементов для признания каждой отдельной синтаксической категории.

Однако, рассматривая смысловые функции вводных членов предложения, сам А.Г. Руднев к некоторым функциям (степень достоверности сообщаемого, указание на источник высказывания, указание на переход к выводу) подбирает в качестве примеров только вводные конструкции, а к некоторым функциям (всякого рода замечания, делаемые попутно,мимоходом, вскользь, справки для пояснения того, о чем идет речь) только вставки, тем самым фактически разграничивая вводные конструкции и вставки по смысловым функциям. Например:

*Я должен буду, **без сомненья,** письмо Татьяны перевесть (А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»).*

*Онегин был по мнению многих **(судей решительных и строгих),** ученый малый, но педант (А.С. Пушкин. «Евгений Онегин»).*

Е.П. Седун в статье «О так называемых «вводных» и «вставных» конструкциях» подвергает сомнению необходимость разграничивать вводные конструкции и вставки, так как видит в этих конструкциях много общего как

с точки зрения интонационного оформления, так и с точки зрения структуры. Е.П. Седун считает эти синтаксические конструкции разновидностями одной синтаксической категории - вводности. Е.П. Седун нредлагает назвать родовую категорию термином «вводность», а вместо терминов «вставные конструкции» и «вводные конструкции» употреблять соответственно названия «объективно-модальная вводность» и «субъективно-модальная вводность» [СедунЕ.П., 1959: 194].

Не менее интересна, на наш взгляд, работа И.И. Щеболевой «Общая характеристика вставочных конструкций в современном русском литературном языке», так как в ней автор детально обосновывает необходимость четкого разграничения вводных и «вставочных» конструкций: «Всестороннее исследование вставочных конструкций в современном русском языке связано с отграничением их от смежных с ними других синтаксических явлений» [Щеболева И.И., 1955: 59].

Вставочные конструкции, будучи носителями дополнительных, побочных замечаний вступают в особую смысловую связь с
тем предложением, в состав которого они входят. Она отмечает, что «вводные» и «вставочные» конструкции относятся к числу синтаксических явлений, осложняющих простое предложение», но между ними много различий, которые позволяют выделить вставочность в самостоятельную синтаксическую категорию. Эти различия сводятся, в основном, к следующему:

1) вводные конструкции являются лексико-грамматическим средством выражения модальности; «вставочные конструкции» не выражают модальных значений, а употребляются для сообщения различного рода оговорок, ссылок, дополнительных замечаний и пояснений; таким образом, вводные и «вставочные» конструкции отличаются друг от друга своей *основной функкией в речи;*

2) различен характер их смыслового содержания: в отличие от вводных конструкций, характеризующихся ослаблением своего лексического значения, *«вставочные конструкции» полностью сохраняют свое лексическое значение;*

3) вводные конструкции включают относительно устойчивый, ограниченный по смыслу круг слов или словосочетаний, а также строго ограниченный круг структурных типов вводных предложений; вставки же не связаны с определенными лексико-грамматическими средствами выражения и *характеризуются чрезвычайным разнообразием структурных типов, соотносительных с невставными предложениями.*

А.И. Студнева, ставя перед собой цель конкретизировать функционально-семантическое соотношение вводных и вставочных конструкций в современном русском языке, и в какой-то мере содействовать решению задачи по их разграничению, приходит к выводу, о том, что вводные предложения, не являясь коммуникативными единицами языка, содержат субъективное отношение говорящих к содержанию высказывания и выполняют модальную функцию, функцию обращения и модально-эмоциональной оценки того, о чем говорится в основном предложении (А.И. Студнева 1969).

Вставочные предложения, имея дополнительный или оговорочный характер и объективно-модальное содержание, выполняют функцию уточнения, пояснения и эмоционального сопровождения высказывания и являются средством речевой коммуникации с назцачением сообщения о фактах действительности. Следовательно, это различные синтаксические категории и нет достаточных оснований объединять их одним понятием «вводные».

Таким образом, необходимость разграничения вводных конструкций и вставок привела к возможности выделения основных характерных признаков вставок как самостоятельного синтаксического явления:

1) смысловая связь с отдельными членами предложения или со всем основным предложением;

2) выражение различных попутных, добавочных замечаний, поясняющих, уточняющих и развивающих содержание основного высказывания, что можно расширить и за счет эмотивно-оценочной коннотации;

3) специфическая интонация;

4) выделение скобками или тире на нисьме.

Ученые признают вставку как самостоятельное синтаксическое явление. Лишь некоторые лингвисты продолжают считать вставки, составляющей частью категории вводности: к их числу принадлежат Л.И. Сердюкова,т.е. Глушак и Р.С. Самолетова (последние два соавтора называют вставки «вводными структурами» и «парантетическими включениями») [Глушак Т.е., Самолетова Р.С, 1985: 290].

При изучении вставок как самостоятельного синтаксического явления рассматриваются их структура, семантика и функционирование. Информация, включаемая в состав предложения с помощью вставок, не всегда является второстепенной, передающей лишь попутные замечания. Довольно часто вставки несут важную информацию, без которой основное предложение не получило бы значимой для автора коммуникативной направленности (А.И. Аникин, Э.Г. Ризель, Е.В. Кривошеева, А.Ф. Прияткина).

Например:

Тут же он вспомнил, что сам Кончеев в своих критических обзорах не раз, — свысока и, в сущности, столь же недобросовестно, — задевая Мортуса ***(который, кстати сказать, был в частной жизни женщиной средних лет, матерью семейства, в молодости печатавшей в «Аполлоне» отличные стихи, а теперь скромно жившей в двух шагах от могилы Башкирцевой и страдавшей неизлечимой болезнью глаз, что придавало каждой строке Мортуса какую-то трагическую ценность) (В.Набоков. «Дар»).***

В предложении, содержащем вставку, в современных лингвистических изысканиях выделяют два плана высказывания. Так, Л.И. Сердюкова указывает, что эти планы равноправны, а О.Е. Белинская считает, что один из планов высказывания главный (он содержится в основном предложении), а другой - второстепенный (содержится во вставке).

По мнению Н.А.Кобриной, предложения со вставками отражают в речи «не абсолютную линейность речи, а ее возможную ярусность» [Кобрина Н.А., 1974: 36]. На это же указывает С.Г. Онишко, называя структуру со вставкой «двутекстом» [Онишко С.Г.,1997: 4].

В работе Я.Г. Биренбаума «Пространство вводности и придаточные предложения» отмечается, что вставка создает «структуру двуслойности за счет объединения в одном предложении частей, достаточно резко различающихся между собой семантически, а часто и ритмико-мелодически, грамматически, стилистически» [Биренбаум Я.Г., 1976: 46].

Лингвисты по-разному рассматривают проблему синтаксического статуса. Согласно традиционной точке зрения, вставки являются единицами осложнения (А.И. Аникин, Н.С. Валгина, А.Н. Гвоздев, Ю.М. Златопольский, Г.Н. Манаенко, Н.Т. Онишук, А.И. Студнева, М.М. Тягунова, Н.М.Шанский).

Другие ученые определяют такие предложения, как бипредикативные предложения со вставной предикативной единицей, то есть рассматривают вставки, выраженные предикативной единицей, как часть сложного предложения. (Т.А. Колосова и М.И. Черемисина); как сложные парантетические предложения (Э.Г. Ризель); или как особую структуру, включающую предложение (вставную предикативную единицу) (Н.А. Кобрина). Иная точка зрения принадлежит А.Ф. Прияткиной: «Синтаксическое явление, которое называют вставкой, выходит далеко за рамки осложненного предложения, оно связано и со структурой сложного предложения, и со структурой текста» [Прияткина А.Ф., 1990:125].

Проводится анализ вставок в плане их соотношения с текстом; выделяются два типа вставок: а) не связанные с основным предложением и б) связанные с ним.

Термины для обозначения этих типов избираются самые различные: «собственно вставки и сепаратизованные члены предложения» (Л.С. Пастухова); вставки «с невыраженной и выраженной грамматической Связью» (В.С. Фирсов); «конструктивные и неконструктивные вставки» (А.Ф. Прияткина).

А.И. Аникин в своих работах нодробно описывает грамматические и лексико-семантические средства связи вставок с основным предложением. Текстообразующая функция вставок изучается на материале художественных произведений (А.И. Аникин, О.Е. Белинская, Д.И. Буршай, Л.П. Григорьева, М.Н. Кулаковский, В.А. Шаймиев). Пристальное внимание уделяется функции актуализации определенной информации основного предложения с помощью вставки (Л.А. Аверкин, Н.А. Кобрина Е.В. Кривошеева, Э.Г. Ризель,).

Определяя эту функцию как особый стилистический прием - парантезацию (Э.Г. Ризель), или стилистический прием, направленный на создание эмоционально-эстетического эффекта (М.Т. Онишук), ученые признают особую экспрессивность вставок (Г.Н. Акимов, Е.И, Иванов, Л.Г. Кайда, Л.С. Пастухова). Благодаря функции «экспрессивного разрыхления речи» (Э.Г. Ризель), вставка в составе основного предложения рассматривается в качестве «экономного средства выражения информативного объема» (СО. Глушакова, М.М. Тягунова, Л.С. Пастухова).

Проанализировав и обобщив точки зрения ученых-лингвистов на вводные компоненты и вставки, мы определили основные векторы своего исследования:

1. В речи существуют и категориально различаются вводные элементы и вставные элементы.

2. Вводный элемент определяется с позиций коммуникативно-прагматической лингвистики как компонент высказывания, формирующий модальный план и реализуюпщй определенные коммуникативно прагматические установки говорящего.

3. Вставные элементы с позиции коммуникативно-прагматической лингвистики определяется, с одной стороны, как особое синтаксическое явление, выходящее за рамки и осложненного, и сложного предложения, так как может быть выражено и той и другой конструкцией. С другой стороны - вставка структурно осложняет включающее предложение, на уровне высказывания создает «двутекст» и выражает метакоммуникативное содержание.

4. Вставные элементы вводят в высказывание дополнительную информацию и реализуют определенные коммуникативно-прагматические установки говорящего.

Хотя в лингвистике вводные и вставные элементы как синтаксическое явление изучались разносторонне (структурно-семантически и функционально), в лингвистических работах, посвященных данной проблеме, не представлена последовательная классификация данных речевых единиц в коммуникативно-прагматическом аспекте, что и послужило одной из причин нашего обращения к данной проблеме.

1.2. Вводные и вставные элементы в координатах коммуникативно-прагматической ситуации и реализации коммуникативных установок говорящего субъекта

Коммуникативно-прагматическая ситуация есть фрагмент речевого общения, который моделируется как достаточно сложная и динамичная система - от минимальной коммуникативной модели «адресант - речевое произведение – адресат» до многокомпонентной модели.

Модель обобщенной коммуникативно-прагматической ситуации, применяемая в современных научных исследованиях, чаще всего является модификацией схемы, предложенной К. Бюлером.

Известный психолог и лингвист К. Бюлер, говоря о формах существования конкретных языковых явлений, определял модель полного конкретного речевого события в совокупности с жизненными обстоятельствами, в которых оно встречается «до некоторой степени регулярно».

В качестве структурных элементов ситуации речевого общения ученый рассматривал в первую очередь: отправителя и получателя языкового сообщения, понимаемых как «психофизические системы» [Бюлер К., 1993: 30-34].

Однако в коммуникативной модели К. Бюлера выделяются три «вершины», которые другой известный лингвист Р. Якобсон обозначил соответственно:

первое лицо - говорящий, второе лицо —слушающий и третье лицо - собственно некто ли нечто, о ком идет речь [Якобсон Р., 1975:200].

Р. Якобсон, рассматривая в свою очередь проблему моделирования речевого события, выделил компоненты, или факторы, так называемого акта речевого общения следующим образом: адресант посылает сообщение адресату, и, чтобы сообщение могло выполнить свои функции, необходимы также контекст, код и контакт.

Под контактом ученый понимал физический канал и психологическую связь между адресантом и адресатом, обуславливающие возможность установить и поддержать коммуникацию вербальным и невербальным кодом.

МОДЕЛЬ АКТА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ **(по Р. Якобсону) :**

Контекст

Сообщение

Адресант адресат

Контакт

Код.

В коммуникативно-прагматическом анализе вводных и вставных элементов мы отталкиваемся от данной модели Р. Якобсона и устанавливаем, что адресант отправляет адресату речевое сообщение (устное или письменное), где в определенном контекстном окружении употребляет вводный или вставной элементы, в которых содержится субъективно-модальное и прагматическое содержание.

Конкретную ситуацию речевого общения Э.С. Азнаурова вполне справедливо именует коммуникативно-прагматической, определяя ее - с позиции осуществления коммуникации - как комплекс внешних условий общения, присутствующих в сознании говорящего в момент осуществления речевого акта: **кто-где-когда-как-зачем-кому** говорит [Азнаурова Э.С, 1988: 38].

Другой прагматической - составляющей этого комплекса, по мнению исследователя, является результативность прагматического эффекта, выра-

жающаяся в реакции адресата, его вербальном/невербальном поведении.

Э.С. Азнаурова, опираясь на данные эмпирических наблюдений над коммуникативными актами, вполне справедливо выделяет следующие наиболее устоявшиеся параметры коммуникативно-прагматической ситуации:

- обстановка и место коммуникативного акта;
- предмет и цель коммуникации;
- социальные, этнические, индивидуальные характеристики участников речевого общения;
- ролевые и личностные отношения между коммуникантами.

Наиболее адекватно отвечающим нашим представлениям о модели коммуникативно - прагматической ситуации является модель ситуации речевого общения, предложенная Д.Г. Богушевичем. Автор идеи справедливо подчеркивает, что в основе всех функций языка лежит его свойство организации, согласования и регуляции деятельности.

В ситуации общения, по мнению исследователя, должны рассматриваться не субъект речи и адресант ,как объект воздействия, а субъекты деятельности. Кроме субъектов деятельности в структуре ситуации общения Д.Г. Богушевич рассматривает и деятельность, и объекты деятельности субъектов общения, поскольку эти объекты (наряду с мотивом деятельности) обусловливают снецифическую форму деятельности и последовательность целей и действий по их достижению.

Согласующей, организующей цели деятельности служит язык.

Определяя ситуацию общения в категориях деятельности, Д.Г. Богушевич выделяет в этой ситуации лингвистическую часть общения, которая состоит из кода (системы языка), системы употребления, то есть системы определения уместности общения и выбора подходящего варианта кода.

В лингвистическую часть общения Д.Г. Богушевич включает канал связи и сообщения, которыми обмениваются субъекты. Причем автор особо подчеркивает, что в рассматриваемую им систему входят не сообщение, а сообщения. Множественное число подчеркивает тот факт, что все субъекты,

включенные в ситуацию, не просто меняют роли, а являются с точки зрения общения равноправными ее участниками.

Признание принципиального равноправия участников общения позволяет рассматривать общение как циклический процесс, происходящий не только под действием самого общения, но и под влиянием целевой установки деятельности [Богущевич Д.Г., 1985: 41].

Тогда ситуацию общения можно представить следующим образом (Д.Г. Богушевич, 1985; Е.А Добрыднева, 2000):

Речь

Система языка

Система употребления

Канал связи

Речевое общение

ОБЩЕНИЕ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Речь

Объект деятельности

Коммуникативно-прагматическую ситуацию Е.А. Добрыднева сравнивает с процессом кинопроизводства «в виде отдельных мгновенных кадров, и Протяженность такого кадра будет равна производству одного высказывания предложения. И тогда каждый этот кадр, или фрагмент, следует рассматривать, с одной стороны, как определенную в своей системности компонентов ситуацию речевого общения по производству отдельного высказывания - коммуникативный акт, а с другой стороны, как часть более протяженного во времени и пространстве процесса речевого общения, в результате которого рождается и воспринимается текст [Добрыднева Е.А., 2000: 126].

Общепринятым считается утверждение о том, что речевое общение осуществляется в двух формах: устной или письменной.

В коммуникативно-прагматическом аспекте между двумя формами речевого общения существуют принципиальные различия. Так, устное общение характеризуется сиюминутностью, эллиптичностью, экзофоричностью, то есть тесной вплетенностью в экстралингвальный контекст. Такое речевое общение получило в лингвистике определение непосредственного (полноценного, или канонического), когда говорящий и адресат не отделены ни в пространстве, ни во времени друг от друга и от восприятия отправленного текста.

Письменное общение - это общение посттемпоральное, подготовленное, развернутое и эндофоричное, иначе говоря, менее зависимое от экстралингвального контекста (В.В. Богданов 1990). Это общение осуществляется в **парративном режиме,** когда текст воспринимается, понимается и интерпретируется адресатом вне непосредственной соотнесенности с ситуацией его порождения.

Следовательно, анализируя коммуникативно-прагматические свойства вводных и вставных элементов в структуре отправленного высказывания и текста, мы должны рассматривать их в условиях порождения: **кому - когда - с какой коммуникативной установкой** отправляет текст говорящий, если включает в него вводные и вставные элементы коммуникативно-прагматических классов.

Проблема соотношения текста и коммуникативно-прагматической ситуации, в которой он порождается, воспринимается и интерпретируется, выводит нас на рассмотрение проблемы соотношения таких понятий, как текст и дискурс.

В исследованиях коммуникативной направленности противопоставляются текст и зафиксированный на материальном носителе (И.Р. Гальнерин, В.В. Богданов и др.) и дискурс, то есть текст, погруженный в определенную ситуацию общения (В .И. Карасик), определяемый психологическими, социокультурными, прагматическими и другими факторами (Н.Ф. Алефиренко), или общими для говорящего и адресата нропозициями (В.З. Демьянков).

Несомненно обращает на себя внимание тот факт, что в современном языкознании нет однозначного толкования понятия «дискурс».

По мнению исследователя данной проблемы А.Г. Гурочкиной, во многих функционально ориентированных работах понятие «дискурс» рассматривается широко - как все, что говорится и пишется, как синхронно осуществляемый процесс порождения текста и его восприятия, и в конечном итоге - как явление процессуальное, деятельностное [Гурочкина А.Г., 1999: 13].

Нередко «дискурс» определяется, как процесс производства «текста» и в связи с этим противопоставляется «тексту» по ряду критериев: функциональность - структурность, динамичность - статичность, актуальность - виртуальность и т.д. Оппозиции такого рода, по нашему мнению, восходят к известной в науке антиномии Ф. де Соссюра «речь – язык» и перекликаются с гумбольдтовским пониманием языка как статического явления, а речи - как динамического.

При таком подходе полагаем возможным рассматривать дискурс, как коммуникативно-прагматический аспект текста со всеми вытекающими отсюда характеристиками.

В аспекте исследования коммуникативно-прагматических свойств вводных и вставных элементов нас интересует дискурс, как связная, разворачиваемая во времени последовательность различных высказываний (в первую очередь содержащих вводные и вставные элементы), создаваемая коммуникантами в соответствии с определенными коммуникативными (информационно воздействующими) установками в конкретной коммуникативно-прагматической ситуации.

Итак, в нашем исследовании коммуникативно-прагматических свойств вводных и вставных элементов ситуация речевого общения - это коммуникативно-прагматическая ситуация, которая может одповременно рассматриваться как «однокадровая» (или одноактная ситуация передачи и восприятия

высказывания), и как «многокадровая» (или полиактная) ситуация создания дискурса.

В первую очередь мы рассматриваем ситуацию общения, в которой используются вводные и вставные элементы, в двух взаимообусловленных позициях участников общения: в позиции субъекта речи, который «произносит предложения, выражающие суждения, чувства, изложение событий и т.д.» [Звегинцев В.А., 1996: 21], и в позиции адресата - получателя информации.

В разработке проблем исследования вводных и вставных элементов, функционирующих в процессе речевого общения, мы исходим из следующего представления одноактной субъектно-объектной, или адресантно -адресатной, деятельностной модели:

1) субъект коммуникативно-прагматической деятельности (или в сокращенном варианте - субъект речевого общения) - это коммуникант, или говорящий, который:

а) наделен речемыслительной способностью ставить и реализовывать цели деятельности вообще, деятельности общения, речевого общения и акта речевого общения в частности, получившего в современных научных исследованиях определение коммуникативного акта;

б) включает в корпус речевых средств вводные и вставные элементы, как показатель субъективного, эмоционально-оценочного отношения говорящего к высказыванию;

2) объект коммуникативно-прагматической деятельности - это активно воспринимающий речь коммуникант, или адресат, который:

а) наделен способностью восприятия, понимания и интерпретации целого текста, отдельного высказывания;

3) речевая активность, в континууме и, одновременно, в дискретности которой коммуниканты используют и интерпретируют, в совокупности с другими средствами языка вводные и вставные элементы.

Доминирующим понятием, позволяющим классифицировать вводные и вставные элементы русского языка, является понятие коммуникативной установки говорящего.

Языковая личность владеет коммуникативной ситуацией, придавая речевому ходу определенную иллокутивную силу. Являясь субъектом дискурса, она вместе с тем способна этот дискурс создавать. Это означает, что в дискурсе воплощаются присущие его субъектам способности к осуществлению определенных видов деятельности, в том числе и коммуникативной, доминирующие чувства и мотивы деятельности, индивидуальные особенности протекания психических процессов [Сусов И.П., 1989: 9].

Выбор вводных и вставных элементов из синтаксических средств языка предполагает мыслительные усилия, направленные на извлечение из памяти единиц, выражающих либо субъективную позицию говорящего, либо введение попутного замечания, ориентированных на реализацию совокупности коммуникативных установок говорящего: обозначить референтную ситуа-ф цию, выразить эмотивно-оценочное. состояние, отправить эту информацию адресату в непосредственном или отсроченном вербальном контакте и тем самым воздействовать на него определенным образом.

В аспекте лингвопрагматики термин «установка» приобретает значение «материализованного в тексте, осознанного намерения отправителя сообщения оказать воздействие на получателя речи» [Азнаурова Э.С., 1984: 10-13].

В лингвистике термин установка рассматривается в исследовании коммуникативно-прагматической направленности и отсюда трактуется, как предрасположенность субъекта коммуникативно-прагматической деятельности к передаче определенной информации с расчетом на достижение ею планируемого результата.

Следовательно, коммуникативная установка говорящего, использующего в своей речевой деятельности вводные и вставные элементы, включает,

с одной стороны, коммуникативные намерения субъекта речи, то есть стремление (интенцию) передать речевое сообщение определенного информационного, в том числе эмотивно-оценочного или волевого содержания определенными языковыми средствами, выбор которых зависит от условий коммуникативно-прагматических свойств, а также от социального статуса, личностных свойств субъекта коммуникативно-прагматической деятельности. С другой стороны, коммуникативная установка включает прагматический расчет субъекта речи, то есть мысленное прогнозирование определенного результата, эффективного воздействия на адресата высказывания или текста в целом, содержащего вводные или вставные элементы.

Этот предполагаемый результат основывается на определенном видении адресата при непосредственном общении или его представлении, мысленном «моделировании» в парративном режиме коммуникативно-прагматической ситуации.

Выводы

1. В лингвистических исследованиях последнего десятилетия XX века определены контуры новых концепций, ориентированных на изучение корпуса вводных и вставных элементов современного русского языка в рамках общенаучной проблемы «человек в языке».

Этим обусловлен значительный интерес лингвистов, направленный на выявление коммуникативной специфики и прагматических свойств вводных и вставных элементов.

2. Проблема метатекстовых элементов (вводных и вставных компонентов высказывания и сверхфразовых единств) привлекает к себе пристальное внимание исследователей на протяжении всей истории отечественной лингвистики.

Изучение научного наследия по вопросу о вводных элементах (в том числе и вставных) показало, что многие ученые ставили вопрос о категории вводности и вставочности, и, так или иначе, разрешали его в зависимости от исходных методологических позиций.

Лингвистов интересовали такие вопросы как: что же собою представляют вводность и вставочность с точки зрения функциональной, семантической, грамматической точек зрения, каково их назначение и положение в структуре предложения и текста, а также роль в оформлении высказывания в речи. Однако подход к изучению метатекстовых элементов в синтаксисе русского

языка должен осуществляться не только в русле сложившихся в языкознании традиций, но и с коммуникативно-прагматических позиций.

3. В речи существуют и категориально различаются вводные элементы и вставные элементы.

Вводный элемент определяется с позиций коммуникативно-прагматической лингвистики как компонент высказывания, формирующий модальный план и реализующий определенные коммуникативно-прагматические установки говорящего.

Вставные элементы с позиции коммуникативно-прагматической лингвистики определяется, с одной стороны, как особое синтаксическое явление, выходящее за рамки и осложненного, и сложного предложения, так как может быть выражено и той и другой конструкцией. С другой стороны - вставка создает «двутекст» с включающим предложением и выражает метакоммуникативное содержание.

4. Взаимонаправленная и взаимообусловленная связь **коммуникации,** как передачи информации и **прагматики** как эффективного воздействия этой информации на получателя дает основание исследовать корпус вводных и вставных элементов языка в коммуникативно-прагматическом аспекте.

В настоящем исследовании мы исходим из основных постулато коммуникативно-прагматической лингвистики, которая аккумулирует и развивает антропоцентрические традиции в исследовании речевых средств межличностного взаимодействия.

5. В своем исследовании мы различаем деятельность общения, как социально детерминированный процесс обмена информацией, материальными и духовными ценностями в процессах познавательной, духовной и производственной деятельности и **коммуникативно-прагматическую деятельность.** как деятельность общения с тремя важнейшими составляющими: ком-

муникацией, воздействием и восприятием. Это вполне соответствует распространенному в науке определению деятельности общения как процесса воздействия субъекта на объект и одновременно их взаимодействия.

6. Анализируя коммуникативно-прагматические свойства вводных и вставных элементов в структуре отправленного высказывания и текста, мы должны рассматривать их в условиях порождения: **кому - когда - с какой коммуникативной установкой** отправляет текст говорящий, если включает в него вводные и вставные элементы. Проблема соотношения текста и коммуникативно-прагматической ситуации, в которой он порождается, воспринимается и интернретируется, необходимо выводит нас на рассмотрение проблемы соотношения таких понятий, как текст и дискурс.

7. Выбор вводных и вставных элементов из синтаксических средств языка дает возможность коммуниканту выразить субъективную позицию говорящего, обозначить референтную ситуацию, выразить эмотивно-оценочное состояние, отправить эту информацию адресату в непосредственном или отсроченном вербальном контакте и тем самым воздействовать на него определенным образом.

Следовательно, коммуникативная установка говорящего, использующего в своей речевой деятельности вводные и вставные элементы, включает, с одной стороны, коммуникативные намерения субъекта речи, то есть стремление (интенцию) передать речевое сообщение определенного информационного, в том числе эмотивно-оценочного и/или волевого содержания определенными языковыми средствами.

С другой стороны, коммуникативная установка включает прагматический расчет субъекта речи, то есть мысленное прогнозирование определенного результата, эффективного воздействия на адресата высказывания или текста в целом, содержащего вводный или вставной элементы.

Этот предполагаемый результат основывается на определенном виде-

нии адресата при непосредственном общении или его представлении, мысленном «моделировании» в нарративном режиме коммуникативно-прагматической ситуации.

Глава 2. Коммуникативно-прагматическая классификация вводных элементов

2.1. Акцентно-утвердительные вводные элементы, реализующне коммуникативные установки

В лингвистической литературе последних десятилетий вводные конструкции рассматриваются в русле коммуникативной прагматики.

Научные споры вокруг разряда вводных элементов связаны не только с наличием или отсутствием средств связи между вводным компонентом и структурой основного высказывания, но касаются также и классификации вводных слов и словосочетаний, связанных с выражением эмоциональных и волевых реакций говорящего.

В, связи с тем, что функционально-семантическое единство вводных конструкций в течение длительного времени не удавалось сформулировать на достаточно прочной теоретической основе, все функционально семантические классификации их в большей или меньшей степени носят отпечаток произвольности.

В лингвистическом наследии попытки классификации вводных слов и словосочетаний по их семантике и употреблению обозначались в трудах А.М. Пешковского. Так, ученый говорит о трех разрядах, выделяя, во-

первых, слова и словосочетания, «показывающие как говорящий относится к той или иной мысли», во-вторых, слова и словосочетания, «показывающие, что говорящий считает высказанную мысль не своей, а чужой», и, в-третьих. слова и словосочетания, «выражающие отношение данной мысли к предыдущей или последующей речи» [Пешковский А.М., 1938: 371].

Как известно, «классическим» периодом в истории развития вводных единиц являются 40-60-е годы XX столетия - время выхода в свет работы В.В. Виноградова, «О категории модальности и модальньгх словах в русском Языке» (1950г.), в которой был поставлен целый ряд вопросов, связанных с проблемой модальности, были выявлены типы модальных значений и средства их выражения, а также предлагалась подробная классификация модальных (как предлагал ученый называть все анализируемые им единицы) слов, включающая 12 основных разрядов, определялась их специфика.

По мнению ученого, модальные значения, выражаемые вводным членом, «образуют, как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение» [ВиноградовВ.В., 1975: 701].

В.В.Виноградов обратил внимание так же на то, что вводные элементы «могут относиться не только ко всему предложению в целом или к его предикату, но и к отдельным его членам» [Виноградов В.В., 1975: 67].

К группе вводных элементов, указывающих на степень достоверностной информации, относятся вводные слова, словосочетания и предложения, определяющие «отношение речи к действительности» [Золотова Г.А., 1983: 212].

С позиции логиков и философов достоверность - это оценка высказывания с точки зрения его истинности или ложности [ФЭС, 1992: 75].

Вводные элементы, указывающие на степень достоверности сообще-

ния, в лингвистической литературе принадлежат к вводно-модальным словам и сочетаниям слов с общей семой «модификаторов достоверности». Мы в своем исследовании данный корпус вводных элементов предлагаем именовать как акцентно-утвердительные, с помощью которых адресант акцентирует внимание слушающего на всем высказывании или какой-либо его части, целенаправленно настаивает на определенной номинации в высказывании, зная, что факт достоверен в той или иной степени.

Под акцентированием мы понимаем привлечение внимания адресата «к коммуникативно значимым элементам речи» [Москвин В.П., 2005: 25; Сущинский П.П., 1987: 111].

Для акцентно-утвердительных вводных элементов с семантикой достоверности факта интерес к субъекту речи побуждает поставить следующий вопрос: зачем и при каких условиях говорящий испытывает потребность или необходимость характеризовать свое высказывание с точки зрения достоверности, ответственности за свое слово? Ведь далеко не каждое предложение в речи сопровождается заверением в правдивости. Дело в том, что именно эти вводные элементы используются, по словам Ю.Д. Апресяна, «для подтверждения надежности сообщения, и способны отвести потенциальные сомнения адресата, с которым говорящий ведет «скрытый диалог» [Апресян Ю.Д., 1988:11].

Данные элементы объединены прагматическими установками воздействия на адресата и способны эксплуатировать личностную оценку коммуниканта к сообщаемому факту. К этой группе слов относятся: бесспорно, верно, действительно, конечно, натурально (разг.), само собой разумеется, без всякого сомнения, вполне очевидно и т.д. Например:

- Что же, собственно, тут говорить, - академик открыл свои старческие мутно-голубые глаза - Дело-то ясное. Действительно, как божий день. Если строить машину —значит триста тысяч отвалить на эксперимент (В. Дудингев. «Не хлебом единым»).

Анализ примеров показывает, что употребление вводного элемента, разумеется связано, в первую очередь, с намерением адресанта сообщить какой-либо общеизвестный факт, соответствующий логике вещей, и адресат,скорее всего, ожидает именно эту информацию.

Например:

После «Интенсивника» образовалось товарищество на вере «Трудовой Кедр» - разумеется, под председательством благообразного Фунта. Разумеется, аванс в «Геркулесе» на поставку выдержанного кедра. Разумеется, неожиданный крах, кто-то разбогател, а Фунт отрабатывает предательскую ставку - сидит. (И. Ильф, Е. Петров. «Золотой теленок»).

При анализе корпуса вводных элементов со значением достоверности, помимо реализации собственной семантики, позволяет автору высказывания реализовывать такую установку, как, например, выразить ироничное отношение к сообщаемому:

-Ну, брат, - вскричал Ликоспастов, - ну, брат! Благодарю, не ожидал! Эсхил, Софокл и ты! Как ты это проделал, не понимаю, но это гениально! Ну, теперь ты, конечно, приятелей узнавать не будешь! Где уж нам с Шекспирами водить дружбу (М. Булгаков. «Театральный роман»).

В данном примере автор не только посредством вводного элемента ***конечно*** подтверждает информацию, но и выразить иронию по поводу дальнейшего поведения своего собеседника.

Акцентно-утвердительный вводный элемент конечно, включаясь в ситуацию речевого общения, способен охарактеризовать внесобытийную точку зрения коммуниканта.

Например:

Нелады у них, конечно, бывали и раньше - как всю жизнь проживешь гладко? - но чтобы сиверко задул на месяцы -нет, этого еще не бывало. Он знал, из-за чего взбесилась его благоверная. Из-за Варвары, а точнее ска-

зать, из-за столбика, который он поставил весной на ее могиле (Ф. Абрамов. «Дом»).

В высказывании посредством вводного элемента конечно адресант не только подтверждает информацию, но и дает описание событию, произошедшему ранее.

С помощью акцентно-утвердительных вводных элементов ***разумеется, несомненно, безусловно, без сомнения, в самом деле, правда*** и ***верно*** (в утвердительном значении) говорящий выражает стремление повлиять на собеседника, убедить его в правоте своего мнения. Они служат для воздействия на собеседника с целью формирования его модальной позиции в желательном направлении. Например:

Я бы хотел, Гере лейтенант, быть моряком! -ответил Якоб. —С вашего разрешения, Гере лейтенант, мне бы очень хотелось быть моряком. Если бы вы гили в Архангельск, я попросился бы к вам. Все-таки это военное плавание, Гере лейтенант, в котором, ***несомненно****, можно отличиться перед короной...* (Ю.Герман. «Россия молодая»).

При использовании вводного элемента ***естественно*** адресант стремится показать либо естественное положение вещей, либо «сигнализирует» адресату о том, что выводится следствие из известных ему (или, может быть адресату) фактов, причин.

Например:

А новый лесничий Юрий Петрович Чувалов, до вечера просидев у Нонны Юрьевны, в тот день, ***естественно****, ни в какой поход не пошел. И не только потому, что время уже было позднее, а и по соображениям, не очень пока ясным для него самого* (Б. Васильев. «Не стреляйте в белых лебедей»).

Зная, «как должно быть», говорящий оценивает событие, как соответствующее норме, предсказуемое.

Рука, ***естественно****, дергается непроизвольно, выстрел, Пушкин падает. Какая боль! Сквозь туман, застилающий глаза, он целится, стреляет в*

ответ; падает и Дантес; «славный выстрел», —смеется поэт. Секунданты увозят его, полубессознательного; в бреду он все бормочет, все словно хочет что-то спросить (Т. Толстая. «Сюжет»).

Имеющийся в нашем распоряжении материал, позволяет отнести вводные элементы ***несомненно, бесспорно, безусловно*** к наивысшей степени достоверности с «мотивацией безальтернативности» [ПляскинаМ.В. 2001:10]

Об этом говорит семантика данных слов и словосочетаний: бесспорно, безусловно (наличие приставки без- в значении «отсутствие чего-либо»), несомненно (наличие приставки не- со значением отсутствия), спору нет, нет сомнений (наличие отрицательного слова нет), вне всякого сомнения (наличие предлога ***вне*** в значении за пределами чего-либо).

-Вы —писатели? —в свою очередь, спросила гражданка.

-Безусловно, - с достоинством ответил Коровьев (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Включением в речевое сообщение вводного элемента ***несомненно*** говорящий выделяет признак реализации пропорционального содержания, как естественного, не вызывающего возражений, тем самым реализуется прагматический расчет.

Например:

Земля - это живое тело со своим ритмом, дыханием, пульсом кровообращения, и естественный ток крови в ней остановить смертельно. Несомненно, люди понимают, вернее чувствуют, надвигающуюся опасность (Ю. Бондарев. «Мгновения»).

Интересно отметить, что в большинстве случаев вводные элементы безусловно, разумеется, однако используется в сочетании с противительными союзами но, представляя ход рассуждений адресанта:

Например:

«Но ведь тут много правды, - воскликнет иной простак, - есть на свете такие Гоги, и Астафьев не против грузинского народа, что хорошо

видно из всего рассказа о пескарях в Грузии».

Разумеется, не против: но вдруг забыл (такому мастеру непростительно), что крупица правды, использованная для ложной цели, в ложном контексте, - это уэже неправда и, может быть, худшая (В.Н. Астафьев. «Из переписки Н.Я. Эйдельмана с В.Н. Астафьевым»).

В данных примерах обнаруживается сходство в употреблении с вводным элементом ***конечно***, при формировании соотношения аргумента и контраргумента. Подобное употребление наблюдается и у вводного элемента ***бесспорно***.

Высшую степень достоверности информации, проверенности фактов выражает акцентно-утвердительное вводное сочетание без сомнения.

В речевом поведении коммуникаций оно не только модифицирует наибольшую степень достоверности, но и усиливает категоричность высказывания, постулируя тем самым, что информация преподносится, как безапеллятивная.

0братимся к примеру:

*Нам, **без сомнения**, жалко будет не слышать музыки духовых и симфонических оркестров, не плавать, например, по морю на пароходе и не собирать в лесу душистых ландышей. Нам препечально будет бросить нашу славную работу и не лежатъ на берегу моря с целью отдохнуть* (М. Пришвин. «Любовь»).

Основная семантика акцентно-утвердительного слова ***разумеется*** - подтвердить номинацию в предложении-высказывании, сконцентрировать тем самым внимание собеседника на своей субъективной точке зрения по поводу сказанного. Однако в данном контексте включение вводного слова обусловлено еще и оправдательной функцией.

Все многочисленные и бесполезные покупки, сделанные князем в Германии он оправдывает вежливым отношением со стороны немцев-торговцев и собственным эмоциональным состоянием тоски.

Изобретатель усмехнулся:

- В том-то и штука. **Разумеется**, *было бы гораздо проще, если бы я вам показал чертежи; но* ***разумеется***, *опять-таки, я еще не склонен это сделать. Я вам объяснил, как вы можете использовать мою находку. Теперь вопрос сводится к следующему: согласны ли вы дать мне денег на фабрикацию первых образцов? (*В. Набоков. «Король, дама, валет»).

Говоря о прагматических особенностях вводных элементов ***действительно, в (на) самом деле***, отметим, что оба этих элемента связаны в тексте с представленной выше информацией, то есть могут «апеллировать к некоторому конкретному высказыванию, эксплицитно представленному в тексте»

Например:

Уркварт покривился: у полковника, ***действительно****, завидующие глаза. Без всякой любезности шхипер положил на стол еще три золотых. Полковник прижал монеты волосатой рукою и сгреб их вместе с кошельком. Но лицо его по прежнему оставалось мрачным.* (Ю Герман. «Россия молодая»).

И вводный элемент ***действительно***, и вводный элемент ***в (на) самом деле*** указывают на то, что представленная информация могла вызывать сомнения у адресата, но была подтверждена или логическими рассуждениями, или приведением наблюдаемых данных, фактов:

- Зачем же вам горло натруждать? - укоризненно покачал головой совершенно прирученный Лагранж:. - Вот вам мой свисточек. Дунете, и я тут же предстану перед вами как лист перед травой.

Данные элементы способны в тексте выражать отношения подтверждения одного высказывания к другому.

Например:

Он не купит себе новой шляпы, зато он с гордостью скажет соседу:

«Посмотри на моего осла, как он одет...» ***И действительно****, осел одет куда лучше и хозяина и жены* (И. Эренбург. «Путевые очерки. Испания»).

Важно отметить еще один момент - акцентно-утвердительные вводные элементы способны перевести всю ситуацию речевого общения в диалогическое пространство, организуя специфическую форму полемического соотношения аргумента и контраргумента, в рамках сложноподчиненного предложения с уступительным значением, а также полемические ходы за пределами сложного предложения в тексте. К числу таковых, мы можем отнести, например, сочетания конечно... но, разумеется... но.

Данные вводные элементы в соединении с противительным союзом но обнаруживает также способность «организовать» «форму полемического соотнесения аргумента и контраргумента» [Русская грамматика., 1980, т.2, 591].

При употреблении акцентно-утвердительных вводных элементов ***правда, конечно, разумеется,бесспорно...но, безусловно...но, действительно...но,несомненно, но*** говорящий не только подтверждает представляемую информацию, но и выражает оттенок уступительного противопоставления. Причем это обнаруживается не только в рамках предложения, но и за его пределами.

Например:

Конечно*, мордвиновский Арбенин —это эгоист и игрок****, конечно****, он совершает странное злодеяние,* ***но*** *в то же время это человек с огромным талантом, с чудовищною требовательностью к жизни, к окружающим, с обостренным чувством художника* (Ю. Завадский «Весна»).

Вводный элемент ***конечно... но*** в указанных контекстах апеллирует к слушателю, собеседнику, среде, вводя в этих случаях ту часть построения, которая выражает общий жизненный опыт, расхожее мнение, очевидную для слушателя логику событий (как известно, как вы сами понимаете), и, тем самым, предваряет возможное возражение слушателя, опирающегося на оче-

видность.

Обратимся к примерам:

Саня насторожился: он тоже не знал, что они с Митяем идут не вдвоем. С третьим в тайге, ***конечно,*** *надежней и веселей,* ***но*** *отчего-то неприятно было, что он узнал о нем только сейчас* (В. Распутин. «Век живи -век люби»).

В рассмотренных контекстах одна часть построения - аргумент слушателя (в конкретном или широком смысле). Вторая часть - контраргумент говорящего полемически противопоставленный первой части; характерна, по-видимому, для этих построений и смысловая неоднородность информации в сопоставляемых частях: факт - его оценка, рациональное - эмоциональное.

Для акцентно-утвердительных. элементов со значением достоверности факта характерной чертой является структурная функция организации диалогического контакта и выражение межсубъектных коммуникативных и структурно-семантических отношений, например:

- Так что ж, это вы по приказу директора сняли —Кастанье? — спросил я.

- ***Разумеется!*** *—воскликнула массовичка. —Да вы же и сами понимаете, конечно, что этому экспонату не место в музее* (Ю. Домбровский. «Хранитель древностей»).

В данном контексте вводное слово ***разумеется с***емантически связано с отведением сомнения воспринимающего речь, которое говорящий предвидит, так как повествуется о явлениях закономерных или очевидных для всех, налицо согласие с точкой зрения другого лица, не выраженной вербально, субъект речи вступает в неоткрытый диалог с адресатом, при этом наблюдается обычность логико-познавательных установок автора высказывания и читателя, то есть реализуется прагматический расчет кооперации между адресатом и адресантом.

Акцентно-утвердительные вводные элементы такие, как ***конечно, разумеется, само собой разумеется, естественно, натурально, ясно, по-***

нятно, которые употреблены адресантом с целью указать на определенно достоверный характер высказывания, служат вместе с тем показателем его тривиальности.

Например:

А сад за домом был, ***конечно,*** *наполовину вырублен, хотя все еще красовалось в нем много вековых лип, кленов, серебристых итальянских тополей, берез и дубов, одиноко и безмолвно дожидавшихся в этом саду свои далекие годы, свою вечную юную старость*...(В. Набоков. «Жизнь Арсеньева»).

До Пашутина краем дошли известия о гибели сапегинских барчуков на деникинском фронте, ***разумеется****, не на советской стороне* (Л. Леонов. «Русский лес»).

Естественно *- разведчики знают больше других* (И. Эренбург. «Бу-Ря»).

У меня без привычки в такой кутерьме, да еще на голодный желудок, ***натурально,*** *трещит голова* (И. Погодин. «Заговор Локкарта»).

Вводные элементы ***положим, допустим, скажем*** могут указывать, как известно, только на условно достоверный характер того или иного высказывания. Адресант лишь высказывает предположение, донустимое состояние дел, «раскрывает логическую природу суждения. которая опирается на отбор и анализ известных говорящему фактов» [Топтыгина Е. Н. 2003:7].

Например:

Не миновать теперь несостоятельным объявиться! Ну, ***положим****, хозяину что-нибудь и останется, а я-то при чем буду?* (А. Островский. «Свои люди – сочтемся»).

Завтра немцы начнут новые атаки, ***допустим****, можно продержаться еще день, а что дальше?* (К. Симонов. «Живые и мертвые»).

В некоторых контекстах, как показывает иллюстративный материал,

акцентно-утвердительные вводные элементы используются говорящим для придания беседе наибольшей доверительности.

Например:

- *Поздравляю, - повторил директор, не обращая внимания на суетливые движения Цинцинната. - Честь имею доложить, что у вас есть отныне сосед, да, да, только что въехал. Заждались небось? Ничего, теперь, с наперсником, с товарищем по играм и занятиям, вам не будет так скучно. Кроме того, - но это,* ***конечно,*** *должно остаться строго между нами, могу сообщить, что пришло разрешение на свидание с супругой* (В. Набоков «Приглашение на казнь»).

Таким образом, акцентно-утвердительные вводные элементы в различных речевых ситуациях реализуют различные коммуникативные установки:

1. Выражают эмоциональные квалификации по поводу сообщаемого.
2. Акцентно-утвердительные вводные элементы, включаясь в ситуацию речевого общения, способны охарактеризовать внесобытийную точку зрения коммуниканта.
3. Акцентно-утвердительные вводные элементы маркируют тривиальное положение дел.
4. Исключают возможные сомнения собеседника, то есть информация, содержащаяся в высказывании, преподносится как безапеллятивная.
5. Организуют специфическую форму полемического соотношения аргумента и контраргумента в высказывании;
6. Снижают категоричность высказывания, оптимизируя дальнейшее речевое общение, оставляя собеседнику право на собственное мнение и возможность быть услышанным;
7. Вводные элементы указанной выше группы в определенных контекстах способны придавать беседе наибольшую доверительность.

2.2. Акцентно-вероятностные вводные элементы, реализующне коммуннкативные установки.

В данном параграфе мы рассматриваем акцентно-вероятностные вводные элементы, которые в определенных ситуациях речевой деятельности способны реапизовывать ряд прагматических установок, выражая свою основную семантику - различные оттенки вероятности, возможности. Вплетаясь в ткань предложения, акцентно-вероятностные вводные элементы несут на себе существенную прагматическую нагрузку: акцентируют внимание адресанта к излагаемым в высказывании событиям, одновременно указывают на факт предположительности, неуверенности, гипотетичности; выражают сомнение в истинности высказывания; употребляются для выражения того, что далее следует предположение, которое, будучи логичным, необязательно является достоверным или, наоборот, употребляется для выражения того, что далее следует предположение, которое кажется логичным, но на деле таковым не является.

К данной группе слов относятся следующие языковые элементы: ***(весьма, мало вероятно, кажется, казалось (бы), возможно, может быть, должно быть, очевидно, пожалуй, вряд ли, бог знает, бог весть*** и т.д.

Авторы текстов могут сообщать и информацию о событии, явлении, непосредственными участниками, свидетелями которых они не были. В этом случае предлагается нехарактерная информация, а при ее недостаточности автор включает в изложение соответствующие вводные элементы: ***наверное, вероятно, возможно, может быть, должно быть*** и др.

В лингвистическо труде «Человеческий фактор в языке» данная группа слов называется «модальными словами со значением гипотетичности» [Человеч. фактор в языке., 1992: 131], либо «показателями гипотетичности» [Булыгина Т.В., Шмелев А.Д., 1997: 299], указывающими на «отсутствие у говорящего сведений об истинности пропозиционального содержания гипотезы» [Булыгина Т.В., Шмелев А.Д., 1997: 296].

В лингвистической литературе проблематическая достоверность имеет свою собственную градацию по шкале от наименьшей до наибольшей степени достоверности, полюсные значения которой выражаются, например, вводными конструкциями ***мало вероятно, весьма вероятно, вполне вероятно*** [Бондаренко В.Н., 1979; Богданов В.В., 1990].

Предположение определяется, как суждение (акт мыслительной деятельности), которое основано не на точном, достоверном знании, а на логическом выводе, полученном в результате обработки какой-либо информации, когда абсолютные доказательства этого вывода отсутствуют.

Исследователи Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев относят такие вводные элементы к так называемым «квазнассертивам», которые могут быть использованы в ситуации, когда автор «располагает непосредственной информацией об интересующемего положении дел, хотя не вполне убежден в ее достоверности» [Булыгина Т.В. , Шмелев А.Д., 1997: 299].

Например:

*Это был еще серенький скворец, - попытался, **должно быть**, вылететь из гнезда, но не сдержали неумелые крылья (*А.Н. Толстой. «Детство Никиты»);

***Кажется**, она обрадовалась, и они вместе побежали через дорогу, оглядываясь на мчащуюся машину* (В. Распутин. «Рудольфио»).

Посредством акцентно-вероятностных вводных элементов говорящий

может эксплицировать генезис своих рассуждений, апеллирует к своему «Я», имитируя диалог с самим собой и одновременно подчеркивая тот факт, что данная информация недостоверна.

Обратимся к анализу контекстов, собранных методом сплошной выборки для того, чтобы установить, какими коммуникативно-прагматическими свойствами обладает корпус акцентно-вероятностных вводных элементов.

Я пытаюсь теперь разобраться, чем меня подкупил Боттичелли? ***Вероятно****, сочетанием жизненной радости с горечью, началом эпохи неверия, умением признать смертную гармонию* (И. Эренбург. «Люди, годы, жизнь»).

Рассмотрим еще один пример:

Поразительно, как выпадают из памяти самые страшные, важные минуты. ***Может быть****, это защитная реакция организма?* ***Вряд ли****...*
(И. Грекова. «Люди»).

Значение недостоверности факта в данном контексте подчеркивается многократным употреблением акцентно-вероятностиых элементов ***может быть и вряд ли***, и они же побуждают к адекватному восприятию информации слушающего.

С реализацией позицией слова - предложения (в данном случае ***вряд ли***) осуществляется решение проблемы, оптимизируется ситуация речевого общения, что нриводит к диалогнзации дальнейшего повествования. Говорящий не располагает достоверной информацией и акцентно-вероятностные вводные элементы позволяют ему подчеркнуть проблематичность передаваемого им сообщения.

При употреблении вводных элементов ***может быть, вероятно***, а также ***возможно, очевидно, по-видимому*** обнаруживается полемичность рассуждений коммуниканта. Такие фрагменты текста отличаются особым построением: в вопросительном предложении - постановка проблемы, за ним следует предложение с вводными элементами акцентно-вероятностного типа. Например:

- Море. Совершенно то же самое испытывал и я.

- Да? Очень странно. Как тут не сказать, что в жизни все-таки бывают минуты - ну необыкновенные, что ли? Жизнь, ***может быть****, не так уж проста, как кажется.* (И. Бунин. ≪В ночном≫).

При употреблении вводного элемента ***казалось бы*** усиливается логическое несоответствие между тем, что, по мнению говорящего, неизбежно должно вытекать из изложенного в первой части, и тем, что происходит в действительности, и о чем сообщается во второй части.

Акцентно-вероятностная вводная конструкция, ***казалось бы*** реализует прагматическую установку говорящего - выразить иронию.

Обратимся к примерам:

И тут же он согнал с лица торжествующее выражение охотника, выследившего оленя - изюбря по лицензии, и вымолвил почти скорбно: Ну чем можно объяснить, что весьма уважаемый, ***казалось бы,*** *человек так халатно относится к своим элементарным обязанностям?* (К. Булычев. «Друзья»).

Проведем операцию элиминации и сравним с трансформом:

И тут же он согнал с лица торжествующее выраэжение охотника, выследившего оленя - изюбря по лицензии, и вымолвил почти скорбно: Ну чем можно объяснить, что весьма уважаемый человек так халатно относится к своим элементарным обязанностям?

В трансформе все пропорции представлены как реальные, тогда как в оригинале присутствует семантика сомнения ***«уважаемый., казалось бы, человек»****.* Это связано, в первую очередь, с интерпозицией слова, так как в этом случае сферой действия слова является не вся предикативная единица, как в случае инициальной позиции, а только слово «уважаемый».

Акцентно-вероятностная конструкция казалось бы вносит эмоциональную окрашенность в высказывание: прикрепление казалось бы к категоричному

«весьма уважаемый» служит сигналом иронической тональности. Это подкрепляется и вопросительной формой высказывания.

Таким образом, в высказывании данный вводный элемент выражает семантику сомнения, однако имплицитно выражает иронию.

Как указание на субъективность высказывания, на его неопределенность с точки зрения достоверности следует понимать семантику таких вводных слов- словосочетаний, ***как видно, видимо, по всей видимости, по-видимому, очевидно, видать, знать, судя по всему*** и др., которые Е.Н . Топтыгина называет «модификаторами предположения на основе чувственного восприятия мира» [Топтыгина Е.Н., 2003: 8].

Например:

В бедном окне мастерской штемпелей и печатей наибольшее место занимали эмалированные дощечки с надписями: «Закрыто», «Закрыто на обед», «Магазин закрыт»... ***По-видимому,*** *эти решительные тексты пользовались в городе Арбатове наибольшим спросом* (И. Ильф., Е. Петров. «Золотой теленок»).

В данном контексте с помощью акцентно-вероятностной элемента по-видимому выражается предположение говорящего и подчеркивается ироничное отношение коммуниканта к излагаемой информации. Нередко это языковое явление (модальные слова и частицы - Е.П.) становится источником тонких художественно-экспрессивных (например, комических) эффектов [Виноградов В.В., 1958: 35].

Таким образом, еще одним из прагматических свойств акцентно-вероятностных вводных конструкций является создание иронической тональности высказывания.

Употребление в речи вводных конструкций зависит от психологической направленности речи индивидуума, обусловленной ситуацией.

Явную метафоричность придает высказыванию введение в контекст

акцентно-вероятностной вводной конструкции казалось бы:
*И хотя за эти два года я, **казалось бы**, еще больше постарел, но, тем не менее, этим летом я познакомился с одной особой, и она, представьте себе, мною сильно увлеклась. И, главное, смешная подробность: я в это лето одевался, как нарочно, исключительно худо. Ходил черт знает в каких штанах и дырявых спортивных туфлях* (М. Зощенко. «Любовь»).

Вводный элемент ***казалось бы*** наполняет предложение значением мнимости предположения, возникшего на основе внешнего восприятия, а это, в свою очередь, является сигналом того, что ожидаемое событие ирреально и противопоставляется другому, реальному. Реже употребляются в аналогичных контекстах вводные элементы ***кажется, должно быть, вероятно***, например:
*Облака тают, стоя на месте. Сухое дыхание лесов и запах можжевельника, **должно быть**, доносятся и до самолетов* (К. Паустовский. «Мещерская сторона»).

Относительно вводных сочетаний ***может быть, возможно, вероятно, должно (быть)*** следует заметить, что в пределах одного сложного синтаксического целого они не только указывают на неопределенный характер высказывания с точки зрения его достоверности, и призваны логически обработать известные говорящему факты..
Например:
*Ага, - говорю я сам себе, - **может быть**, у меня выработалась дрянная походка? **Может быть**, мне не хватает гимнастических упражнений, прыжков**? Может**, мне не достает крупных мускулов,
на которые имеют обыкновение любоваться дамы?* (М. Зощенко. «Любовь»).

Как показывает материал, включение акцентно-вероятностных вводных

элементов ***может, наверное, возможно, видимо*** в вопросительную реплику «создает подвид вопроса - вопрос-предположение» [Иванова Т.А., Корнилов А.А.,1995:57].

С помощью вводных элементов ***может быть, должно быть, возможно, наверное, верно, по-видимому, видимо, видно, по всей вероятности/видимости)*** между высказываниями или какой-либо его частью устанавливаются отношения логическим путем в порядке получения выводного знания на основе имеющейся информации (индуктивно).

Иначе говоря, названные вводные элементы указывают на то, что включающее их высказывание или какая-либо его часть имеют логическую форму вывода - предположения. Чаще всего эта прагматическая установка выражается в случаях употребления вводных слов и словосочетаний, где в придаточном причины указывается основание для производства одной из главных частей высказывания.

В подтверждении вышесказанного обратимся к примерам:

Конечно, о голоде лучше бы промолчать, ***может****, не надо было упоминать и о раскулачивании, хоть и неприятно это - скрывать правду, но теперь,* ***по-видимому****, надо было это сделать. Очень уж: обидно было лишиться ее доверия именно сейчас, после всего совместно пережитого. В то же время Иван подсознательно чувствовал, что дело тут было не в нем: в душе обоих рождалось нечто великое и важное, перед которым всякая расчетливость казалась унизительной* (В. Быков. «Альпийская баллада»).

Непременным условием целостности данной конструкции является отношение вывода - основания между частью главного предложения и придаточным предложением, то есть то отношение, которое выражается вводным сочетанием должно быть.

Итак, акцентно-вероятностные вводные элементы в различных ситуациях речевого общ;ения реализуют ряд прагматических установок:

1. Усиливают гипотетичность высказывания.

2. Создают ироническую тональность высказывания.

3. Снижают степень категоричности высказывания.

4. Косвенно указывают на авторизацию.

5. Введение в высказывание акцентно-вероятностных вводных конструкций позволяет коммуниканту объективировать такие чувства как надежда, осуществление желаний.

6. Представляя ход рассуждений коммуниканта, способный выразить следствие из указанных в тексте положений.

2.3. Эмотивно-квалификативные вводные элементы, реализующие коммуникативные установки

Следуюшщая рассматриваемая нами группа вводных элементов, предназначенных для объективации эмоционального состояния носителя языка. Эмоции рассматриваются психологами (Я. Рейковский, 1979; К. Изард, 1980 и др.), как факт психики человека, субъективное отношение говорящего с точки зрения выражения определенных чувств, «нереживание человеком его отношения к окружающему миру и к себе; одна из форм выражения субъективной действительности» [Рубинштейн С.Л., 1989: 257].

В лингвистике эмоций (Л.Г. Бабенко 1989; Е.М. Вольф 1986; Т.В. Маркелова 1996; Д.А. Романов 2004, В.И. Шаховский 1997 и др.) языковые единицы, объективирующие эмоции, называются эмотивными.

Рассматривая эмотивную функцию вводных и вставных элементов, ученые выделяют группу элементов, способных вербализовать эмоции, называя их вводно-эмоциональными (П.А. Лекант 1998, А.И. Останин 1969 и др.).

Часть вводных элементов отражают ценностное отношение к определенным фактам действительности, чувственное переживание субъекта речи и способствуют «выражению положительного или отрицательного отношения к событиям, их элементам или аспектам осуществления» [Шмелева Т.В., 1984: 92].

Опираясь на принятый в современной лингвистике эмоций терминологический аппарат [Шаховский В.И., 1987: 19-24], предлагаем именовать группу вводных элементов, объективирующих эмоции, эмотивно-квалификативными.

К данному корпусу вводных элементов относятся единицы, выражающие радость, одобрение (на радость, к радости, к счастью); сожаление, неодобрение (к соукалению, на беду); удивление, недоумение (к удивлению; странное дело; нечего сказать).

Эмотивно-квалификативные элементы, как показывает иллюстративный материал, отражают значимость явлений, ситуаций для индивида, его личностную реакцию на происходящее.

Как видно из примеров, вводные элементы со значением эмотивности способны отражать как чувства самого автора по поводу описываемого, так и помогают ему показать адресату чувства, эмоциональное состояние героя своего повествования.

Обратимся к примерам.

Марта беспокойно смотрела в сторону: Том в поисках шара мял астры.

К счастью, в эту минуту быстро проехал мальчишка на велосипеде, и собака,
мгновенно забыв шар, стремглав бросилась к ограде и промчалась вдоль нее с неистовым лаем (В. Набоков. «Король, дама, валет»).

В первом примере представлепа положительная реакция говорящего, а во втором - посредством вводного элемента выражено сожаление.

Эмотивно-квалификативные вводные элементы являются специфическим средством выражения эмоционального состояния, чувственного отношения говорящего субъекта к номинируемой действительности, к участникам ситуации общения и ко всей коммуникативно-прагматической ситуации в целом.

Исследование эмотивно-квалификативных вводных элементов позволило нам установить следующее. Эмотивно-квалификативные вводные элементы отражают эмоциональное отношение адресата к описываемому факту, формируют определённый настрой собеседников на протяжении всего высказывания, сигнализируют о предстоящей модели речевого взаимодействия.

Вводные конструкции со значением эмоциональной оценки воздействуют на адресата в целях привлечения внимания к тексту,внушая читателю авторское отношение к описываемому. Эмотивно-квалификативные вводные элементы положительной или отрицательной оценки - это субъективное мнение потенциального говорящего об эмоциональном состоянии отправителя речи.

Обороты как нарочно, как назло, как на грех, как на беду, словно нарочно указывают, что совершение, осуществление того или иного факта, признака имеет характер, производящий впечатление произвольной негативной прагматической направленности к некоторому действующему лицу.

Как показывает языковой материал, эмотивно-квалификативные вводные элементы занимают в высказывании инициальную позицию, что позволяет

привлечь внимание адресата и указать ему тот эмоциональный фон, на котором будет происходить эмоциональное воздействие. Связано это, по всей видимости, с той ролью, которую играют эмоции в речевой деятельности человека. Потому как, проявляясь в начале высказывания, эмоция, порожденная человеческим сознанием, а затем и отраженная в речи, подготавливает нервную систему адресата к определенной деятельности, как бы приводя ее «настройку».

Например:

К счастью, нашелся один француз, который разрешил раскинуть лагерь на своей собственной земле, и это затруднение кончилось (М. Пришвин. «Серая сова»).

Термин «оценка» понимается в лингвистике, как обозначение языковыми средствами установленного ценностного отношения между субъектом речи и предметом речи, когда под речью понимается все, что является объектом желания, нужды стремления, интересы человека.

И отъезд Мити был решен. Но уезжал Митя, к великому своему удивлению, хотя и не помня себя от горя, все-таки почти счастливый (И. Бунин. «Митина любовь»).

Оценочный заряд эмотивно-квалификативных вводных элементов мы условно разделили на группы: элементы, выражающие положительные эмоции говорящего по отношению к факту действительности, то есть радость, удовлетворение, доброе намерение говорящего по поводу факта высказывания: к счастью, к всеобщему удовольствию, к радости, и элементы, указывающих на отрицательные эмоции: сожаление, огорчение, печаль по поводу высказываемого: к сожалению (моему, вашему), к досаде.

Коммуникативно-эмоциональная окраска, выражающая дополнительное значение, отражает цель коммуникации. При этом модусный компонент отражает ситуацию речи и показывает кому, в каких условиях и для чего ад-

ресовано данное высказывание.

С понятием вводности взаимодействует понятие эмоциональности, трактуемые Н.А. Лукьяновой как «свойство языкового знака - потенциальная возможность его выразить факт эмоционального переживания субъектом некоторого явления действительности» [Лукьянова Н.А., 1986: 72].

Посредством эмотивно- квалификативных вводных единиц адресант может реализовывать ряд прагматических установок, например, выразить свои извинения.

Рассмотрим пример:

Старик же играл божественно. Первый раз, когда тетя, натягивая перчатки, скороговоркой сказала: «я, к сожсалению, должна уйти, но вы посидите, сыграйте в шахматы с моим племянником, спасибо за чудесные ландыши...» (В. Набоков. «Защита Лужина»).

Среди рассматриваемых вводных элементов, в зависимости от источника информации выделяем две группы: адресно-маркированные вводные элементы с указанием на источник информации и адресно-маркированные вводные элементы без указания на источник информации. К последним относятся такие вводные элементы как: по преданию, по пословице, по слухам, по-моему, по-теоему, по-вашему; помню, вижу, слышу, говорит; помнится, известно, слышно; по мнению, по убеждению, по рассужсдению, по понятию (чьему-нибудь или кого-нибудь), по сообщениям (чьим-нибудь или кого-нибудь), на взгляд (чей-нибудь, кого-нибудь); с точки зрения; как помнится, как нам помнится, как известно, как слышно и некоторые другие.

Данная группа репрезентирует модусные смыслы и прикреплена, как было сказано выше, к конкретной субъективной сфере и зависит от характера отражаемых или коммуникативных интенций:

на мой взгляд, на мой вкус (формальные признаки не вступают в межсловные отношения и сохраняют структурно-интонационную изолированность чаще применительно к Я - говорящему или ТЫ - слушающему);
- в глазах кого-либо/ чьих-либо (как правило интонационно выделена);
- в понимании кого-либо/ чьем-либо (ограничивает понимание данного вводного сочетания до определенной субъективной сферы);
- совокупность авторских вводных сочетаний выражаемая формулой «по + Дат. п. источника мнения, оценки или слова».

Сам источник информации может быть указан и приблизительно, то есть, выражен локативно-субъективной синтаксемой: как сообщили, по информации (чьей-либо)...

Например:

Недавно одна писательница читала собравшимся литераторам свою новую повесть из колхозной жизни под названием «Раскрасавица весна».

Повесть эта, на мой взгляд, была посредственная, безбож:но похожая на десятки уже напечатанных произведений (М. Зощенко. «Литературные анекдоты»).

Рассмотрим группу вводных элементов, указывающих на самого автора публикации в качестве источника описываемой информации, сообщения, суждения, так как по своей семантике, по своему функционированию в структуре текста данные вводные элементы находятся, на наш взгляд, в промежуточном положении между авторизационными и персуазивными единицами.

Взаимодействие авторизации и персуазивности в нарративных, научных текстах и текстах прогнозов рассматривает в своей диссертации О.Н. Копытов, понимая под ним «слияние двух функциональных указаний на автора информации и/или на характер полученных автором сведений (своя/чужая)с указанием на степень достоверности» [Копытов О.Н., 1998: 10].

Данная концепция находит подтверждение и в нашем материале. В настоящей работе речь идет о таких конструкциях, как на мой взгляд, по моему, как мне камсется, думаю, полагаю, уверен. Как можно заметить, в каждом из перечисленных вводных элементов есть какое-либо указание на автора: либо личные и притяжательные местоимения (мой, мне), либо окончания глаголов.

Использование вводных элементов на мой взгляд, как мне кажется, по мне, по моему свидетельствует, с одной стороны, о выражении неуверенной оценки описываемого события, явления (то есть, в какой-то степени имеет место значение персуазивности), с другой же стороны, читателю предлагается авторское толкование сведений, которыми он располагает.

Например:

Мы с Дашей проводили отчима на Казанский вокзал и видели то, что потом выдавалось за невероятную панику, но, по-моему, мало чем отличалось от обычного московского вокзального бардака поры летних отпусков (Ю. Нагибин. ″Свет в конце туннеля≫).

Типовая семантика вводиых элементов по разговорам, по всему, в словах, слухах, в разговорах ~ указать, кем высказана та или иная мысль, является ли источник сообщения воспоминанием самого говорящего, общественной истиной, или услышано от других.

При этом формой проявления этой информации может быть и речевой факт {по разговорам), и вся совокупность наблюдаемых реальных явлений {по всему), а содержание ее могут быть те или иные представления о действительности, способ связи представлений между собой, подход к действительности, имнлицитно содержащийся в них.

Такой подход предполагает не механическое воспроизведение информации, содержащейся в том или ином факте {в словах, слухах, в разговорах), а творп ческую переработку ее, в соответствии с логикой, содержанием, природой данного факта. В пределах возможностей оформления авторизации «говоря-

щий предпочитает тот или иной вариант соответственно коммуникативно-стилистическим условиям речи» [Золотова Г.А., 1973: 264].

Как показывает анализ языкового материала, адресно-маркированные вводные элементы, которые представляют иного гаранта в коммуникативном высказывании, используются говорящим с целью переложения эпистемической ответственности на другое лицо.

Если адресант хочет обосновать достоверность информации, но при этом не хочет раскрывать самого источника или каналов, то на первый план выдвигается не субъект речи, а результат речевой активности: по имеющимся у нас сведениям; по информации, которую удалось получить.

Обратимся к примерам:

С революцией было и того хуэже. По общему мнению, она повлияла на ход жизни всякого русского; через нее нельзя было пропустить героя, не обжигая его, избежать ее было невозможно (В. Набоков. «Защита Лужина»).

Данные элементы особенно характерны для публицистического дискурса: как стало известно из достоверных источников, по имеющимся у нас сведениям и т.п. Личность говорящего активно воздействует на информационное содержание сообщаемого, устанавливая прагматические перспективы и в подаче информации, и в восприятии ее слушающим, определяя тем самым речевую стратегию в дискурсе.

Адресно-маркированные вводные элементы с представлением иного гаранта в высказывании свидетельствует о желании говорящего лица убедить адресата в достоверности информации путем ссылки на более компетентные лица. Предлагая адресату какое-либо сообщение автор текста аргументирует информацию «... через апелляцию к

тому или иному информационному источнику» [Грушевская Т.М., 1994: 651.

Обратимся к примерам:

И там на площади, не вынимая кинжала, он произнес громовую речь о покушении злодея на его эюизнъ и о своей горячей любви к народу, которая

выше его жизни. -

Как показывает иллюстративный материал, адресно-маркированные вводные элементы, функционируя в диалогическом пространстве худолсественного текста, позволяют экономно выразить собственное суждение об обозначенной в диалоге ситуации и побудить адресата к принятию авторской точки зрения например:

- Ах, что ты говоришь. Знаю я теперь немцев. Сама уже видела нескольких с красными бантами. Иунтер-офш^ер пьяный с бабой какой-то. И баба пьяная.

- Ну мало ли что? Отдельные случаи разлоэюения могут быть даже и в германской армии. (М. Булгаков. «Белая гвардия»).

Подводя итоги вышеизложенному, следует отметить, что адресно-маркированные вводные элементы, функционируя в различных коммуникативно-прагматических ситуациях, способны реализовать ряд прагматических установок, к числу которых относятся:

1. Повышение степени достоверности излагаемой информации в глазах адресата за счет ссылки на иного гаранта.
2. Переложение эпистемической ответственности содержания высказывания на более компетентные источники.
3. Реализация эффекта кооперации, когда адресант мысленно кооперирует собственное мнение с мнением компетентного источника, соглашаясь с ним.
4. Снижение категоричности высказывания.
5. Побуждение адресата к принятию авторской точки зрения.

2.5. Фатические вводные элементы, реализующие коммуннкативные установкн

Фатическая речь в отличие от так называемой информативной речи, дает возможность выявить социальные, психологические характеристики коммуникантов, «максимально приближает нас к личности говорящего» (Т.Г. Винокур). Одним из средств реализации фатической функции языка являются фатические вводные конструкции или фатические высказы-

вания «основным коммуникативно-прагматическим назначением, которых является установление-поддержание-размыкание речевого контакта», [Волкова Л.Г., 1998: 17], то есть реализация «семы контакта» (термин А.Л. Киселевой) в процессе речевой коммуникации.

Основная семантика данной группы вводных элементов состоит в том, «чтобы вызвать то или иное (желательное для говорящего) отношение слушающего к высказыванию, вызвать с его стороны ту или иную (желательную для говорящего) реакцию» [Останин А.И., 1969: 198].

Иначе говоря, они служат установлению соответствующего речевого контакта между говорящим и слушающим.

Сюда относятся: ***видишь (ли), знаешь (ли) - знаете, пойми - поймите - понимаешь - понимаете, представь - представьте —представляешь - представляете, (по) слушай - (по) слушайте, слышишь — слышите, сделай милость, согласитесь, думаете, думаешь, заметьте, будьте добры, уверяю вас, клянусь вам*** и т.д.

Например:

Елена наклонилась в розовый луч и вздернула плечами.

*- **Понимаешь**, ну, только что перед тобой, минутки две, не больше, явление: Сережин племянник из Житомира* (М. Булгаков. «Белая гвардия»).

Фатические вводные элементы являются важным синтаксическим средством для осуществления эффективной вербальной коммуникации, так как обладают богатым коммуникативно-прагматическим потенциалом. Фатические вводные элементы употребляются говорящим на всех этапах речевого общения, а именно при установлении, поддержании и размыкании речевого контакта. При установлении речевого контакта семантическая запись такова: «адресант сигнализирует адресату о том, что он хочет вступить с ним в речевой контакт». Внезапно переданное сообщение может оказаться невоспринятым адресатом или воспринятым неполно. Для того, чтобы избежать подобных потерь, говорящий использует разнообразные языковые средства,

в том числе и фатические вводные- элементы.

При поддержании речевого контакта смысл фатической ситуации может быть передан в условной семантической записи следующим образом: «адресант сигнализирует адресату о том, что он осуществляет речевой контакт, проверяет, работает ли канал связи».

В ходе сообщения говорящему важно, чтобы оно принималось в течение всего времени его передачи, а не только в момент установления речевого контакта. С целью поддержания внимания собеседника на нужном уровне активности говорящий включает в высказывание фатические вводные элементы, например:

Знаете, в пионерском лагере инструктором работал, —рассказывал словоохотливый вождь. —И вот работаю-работаю, и замечаю: нравится мне людьми-то руководить. Получается, знаете. И вот так работаю, год за годом, и чувствую: а что! (Т. Толстая. «Ряженые»).

При размыкании речевого контакта семантическая запись представляется так: «адресант сигнализирует адресату о своем намерении выйти из речевого контакта». Эта фаза общения маркируется посредством метакоммуникативных сигналов, свидетельствующих о завершении темы разговора и размыкании контакта. Например:

- *Ты бы, Петя уступил немножко, а?*
- *Кому уступил? —не понял Петр.*
- *Кому, кому... -рассердилась на его непонятливость Лиза (tooice знакомая привычка).* (Ф. Абрамов. «Дом»).

Таким образом, можно сделать вывод: фатические вводные элементы играют важную роль на всех трех фазах общения, при этом, обладая целым снектром коммуникативно-прагматических свойств.

В ходе установления, поддержания или размыкания речевого контакта говорящему требуется сосредоточить внимание собеседника на всем выска-

зывании или какой-либо его части, поэтому фатический элемент будет занимать препозицию или интерпозицию в высказывании.

Например:

Изящно разводя руками и сверкая золотым лорнетом, он, наверное, говорил спекулянту сиплым голосом:

- Послушайте, я бы рад с вами породниться, и сумма меня вполне устраивает, но у вас невеста чересчур мала. (М. Зощенко. «Любовь»).

В ходе контакта, находясь в препозиции, фатический вводный элемент акцентирует внимание коммуниканта на всей дальнейшей информации.

Рассмотрим пример, в котором говорящий целенаправленно настаивает на определенной номинации.

Это твое обычное настроение, пойми, обычное (Л. Жуховицкий. «Весна»).

В данном высказывании акцентирование сентенционального настроения главного героя романа достигается не только за счет повторения слова «обычное настроение», но и посредством наложения на содержательный каркас предложения фатического вводного элемента пойми, который акцентирует внимание собеседника на определенной номинации.

Таким образом, реализуется прагматическая установка - акцентируется внимание адресата на содержании всего высказывания или какой-либо его части с целью поддержсания речевого контакта.

Для придания беседе большей доверительности, с надеждой, что адресат поймет его и посочувствует, адресант включает в высказывание фатический элемент верите ли.

Включение в текст фатических элементов может носить и оправдательный характер.

Например:

Хозяин подошел к телефону и стал звонить. Потом, вернувшись к гостям, сказал гостям, вздохнувши:

- Сейчас автомобгшь будет подан... Единственное, знаете, неудобство- это то, что наш гараэю в одном районе, мы —в другом, а шофер, представьте себе, живет за Невской заставой. «Похвала транспорту»).

Включение в высказывание фатического вводного элемента ты понимаешь создает ауру доверительности, усиливается прагматический эффект понимания и сочувствия у адресата.

Ты понимаешь, - сказал Пьер с доверчивой интонаъщей в голосе, —я заметил, что с некоторых пор она меня боится (Г. Газданов. «Весна»).

Стремление привлечь внимание к чему-либо в ходе коммуникативного акта, поддержать это же внимание собеседника на нужном коммуникативном уровне, объясняется включением фатических вводных элементов, например:

Варвара Лукинишна одна эюивет. Вот она мышей наловит, на торжице снесет, и на книги сменяет. И все читает.

- Знаете, Бенедикт, для меня стихи - это все. Наша работа —это такая радость. И вот я обратила внимание: Федор Кузьмич, слава ему, он как бы разный. Понимаете, что я хочу сказать? «Кысь»).

Еще одну прагматическую установку могут реализовать фатические вводные элементы, когда говорящему требуется объяснить положение, обстановку своему собеседнику; адресант заранее апеллирует к адресату как к союзнику, человеку, который все правильно поймет, например:

- Погоди-ка, он не белградский гусар? - спросил Турбин.

-Да, да, гусар... Понимаешь, глянули они на нас и ужаснулись: «Мы думали, что вас тут, говорят, роты две с пулеметами, как же вы стояли?

(М. Булгаков. «Белая гвардия»).

В данном контексте прагматизация высказывания усиливается за счет фатического вводного элемента *понимаешь*, который позволяет апеллировать к адресату, смягчить ситуацию и оптимизировать коммуникативный процесс.

При употреблении фатических вводных элементов адресант реализует следующую прагматическую установку в определенной ситуации речевого общения, когда говорящему требуется какое-то время для того, чтобы подготовиться к ответу, обдумать формулировку предстоящего высказывания, подобрать нужную номинацию.

Например:

Вы написали роман? —строго осведомился наконец Рудольфи.

- Откуда вы знаете?

- Ликоспастов сказал.

*- Видите ли, —заговорил я (Ликоспастов и есть тот самый пожилой), —действительно, я... но... словом, это плохой роман (*М. Булгаков. «Театральный роман»).

Рассмотрим употребление фатического вводного элемента, где прагматическая установка говорящего состоит в том, чтобы были соблюдены правила речевого этикета и вуализирована категоричность высказывания.

- Видите ли, профессор, —принужденно улыбнувшись, отозвался Берлиоз, —мы уважаем ваши большие знания, но сами по этому вопросу придерживаемся другой точки зрения (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

В этом примере вводный элемент ***видите ли*** используется говорящим с целью установления контакта с собеседником, «смягчения» неприятной для него информации. При этом адресант проявляет дипломатичность, не навредив в условиях коммуникативной ситуации третьему лицу.

Автор выражает сожаление по поводу выступления Саввы Потаповича посредством вводного элемента ***как видите.***

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1. Фатические вводные элементы реализуют «сему контакта» на всех

трех фазах речевого общения (установление, поддержание, размыкание речевого контакта).

2. Анализ языкового материала показал, что фатические вводные элементы способны реализовать ряд прагматических установок, таких как:

а) акцентировать внимания собеседника на всем высказывании или какой-либо его части;

б) придать сообщению большую доверительность;

в) волюнтативное свойство, используемое в императивных речевых жанрах (просьба, уговаривание, мольба, требование);

г) апеллировать к собеседнику, тем самым объяснить истинное положение дел, рассчитывая на взаимное понимание;

д) высказывания, которые включают фатические вводные элементы, способны подготовить «благоприятную почву» для предстоящего сообщения.

Такое сообщение содержит либо жизненно важную для собеседника информацию, позитивную или негативную, либо нетривиальную;

е) фатические вводные элементы вуализируют категоричность высказывания, тем самым, продляя коммуникативный контакт;

ж) фатические вводные элементы способны объективировать такоз эмоциональное состояние коммуниканта, как сожаление по поводу чего-то неосуществившегося.

2.6. Метатекстовые вводные компоненты, реализующие коммуникативные установки

Традиционно в лингвистической литературе выделялись группы вводных слов и сочетаний слов, которые выражают логические взаимоотношения между мыслями, их последовательность, указывают на противопоставление и сопоставление высказываний, на заключение, следствие, обобщение и на способ выражения мыслей.

Данная мысль находит выражение в трудах А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, А.И. Аникина, А.Г. Руднева, А.Н.Гвоздева, Е.М. Галкиной-Федорук, Т.Г. Почтенной, Г.Ф.Воробьевой, Грамматике-60, Грамматике-80 и др.

Указанную грунпу вводных элементов в семантических классификациях именуют еще и как группу вводных элементов, выражающих различные логические отношения между частями предложения (А.Н. Галкина-Федорук 1958, А.Н. Гвоздев 1973, Т.Г. Почтенная 1968, Н.С. Валгина 1973, 1991 и др.), либо «указывающих на связь мыслей, последовательность изложения» [Розенталь Д.Е., Теленкова М.А., 1985: 35].

Таковыми являются слова и сочетания слов: таким образом, кроме того, в конце концов, в общем, с одной стороны - с другой стороны, например, прежде всего, между прочим и другие.

Многие лингвисты, рассматривая данные вводные слова и словосочетания, указывали на выполнение ими союзной функции (А.И. Аникин 1970, А.Н. Гвоздев 1973, В.А. Глухова 1977, Г.Я. Солганик 1991 и др.), и трактовали их как вводно-союзные слова и словосочетания, которые сочетают

«функцию связывания членов предложения и функцию выражения оценки связываемого или присоединяемого, а иногда также функцию выражения отношения к сообщаемому со стороны говорящего».

В этой связи Т.Я. Солганик отмечает: «Вводные слова, стоящие по традиции вне предложения, в составе прозаической строфы нередко получают четкое назначение - помимо своих модальных функций служить одним из средств связи между самостоятельными предложениями [Солганик Г.Я., 1991: 5]. Ученый, исследуя ССЦ прозаических строф, доказал, что многие средства связи само стоятельных предложений, как простых, так и сложных, не только вьшолня-
ют собственно синтаксическую функцию соединения нредложений, но и решают ряд прагматических задач, стоящих перед автором текста, - обозначают оценку и его отношение к излагаемому, осуществляют комментарий того по или иного плана высказывания.

Другие исследователи называли их «союзными скрепами» (И.И. Горина 1991, Т.С. Алгазина 1994).

П.А. Лекант же выделяет отдельную группу вводно-союзных компонентов, «объединенных общим назначением - соединять части предложения или текста и выражать различные отношения между ними» [Лекант П.А., 1988: 6].

Наше исследование показало, что указанные вводные компоненты, являясь специфическим средством межфразовой и межабзацной связи, с одной стороны, связывая части текста (отдельные предложения, абзацы) в единое целое и превращаясь в «текстовые скрепы» [Алгазина Т.С, 1994: 9], декларируют основное свойство текста - его связность, а с другой - помогают говорящему (пишущему) решать ряд прагматических задач: логизировать текст, придавая ему стройность, оформлять ход своих рассуждений и т. д.

Мы в своем исследовании данную группу считаем необходимым именовать метатекстовыми вводными элементами. И в связи с этим обращаемся

к работе А. Вежбицкой «Метатекст в тексте», где автор приходит к выводу о том, что в высказываниях «часто переплетается собственно текст с текстом метатекстовым» [Вежбицкая А,, 1978: 421], называя метатекстовые элементы «нитями высказывании о самом высказывании» [Там же, 404], которые «освещщают направление хода мыслей» [Там же, 412].

Разделяя точку зрения А. Вежбицкой, Т.В. Шмелева, при рассмотрении вопроса о содержательной стороне метатекста, подчеркивает, что она «состоит не в выражении отношения говорящего к объекту повествования (как в модусе), а в объяснении и «оправдании» своего авторского поведения: логики изложения, последовательности введения фактов, переходов от одной мысли к другой и т.п.» [Шмелева Т.В., 1984: 82].

Метатекст «целиком обращен к адресату речи и во многом определяется тем, как говоряш,ий оценивает возможности своих слушателей, их потребность в авторских комментариях» [Там же: 82], что позволяет, на наш взгляд, исследовать метатекстовые вводные элементы в русле коммуникативной прагматики.

Говоряш;ий устанавливает не только логические и композиционные связи между частями своего сообщения, но и характеризует «стилистическую тональность своей речи» [БелошапковаВ.А., 1982: 78]. Г.А. Золотова же отмечает, что «метатекстовые средства, служащие расчленению и логизации текста, свойственны, прежде всего, книжно-письменным типам речи» [Золотова Г.А., 1983: 208].

Использование коммуникантами метатекстовых вводных элементов в процессе коммуникации позволяет логически выстроить текст, раскрывая ход рассуждений коммуниканта и акцентируя внимание на наиболее важных моментах в сообщаемой информации.

В настоящем исследовании среди вводных элементов рассматриваемой группы выделяется 7 подгрупп:

1) вводные элементы, употребляемые при обобщении, заключении, присоединяющие следствие - вывод или общую формулу: таким образом, словом, одним словом, итак, значит, следовательно, в общем, вообще, в итоге; стало быть (прост.), выходит (разг.);

2) вводные элементы, выражающие присоединение, добавление, при внесении дополнения к вышесказанному со значением выделения, ограничения: кроме того, помимо этого, помимо прочего, впрочем, мелсду прочим, более того, мало того, главное, помимо прочего, кстати;

3) вводные элементов, употребляемые при сопоставлении, нротивопоставлении одного сообщения другому: с одной стороны - с другой стороны, напротив, наоборот, впрочем, однако;

4) вводные элементы, указывающие на степень обычности передаваемой информации: как правило, как обычно, как всегда, бывает;

5) вводные элементы, указывающие на суть, сущность в представляемой информации: по сути, по идее, в сущности;

6) вводные элементы, употребляемые при раскрытии, пояснении, уточнении предыдущей информации, оформляющие различные способы выражения мысли: например, к примеру, в частности, вернее, точнее, короче (говоря), иначе (говоря), откровенно (говоря), можно сказать, лучше сказать, так сказать, иными словами, нрелсде всего;

7) вводные элементы, обозначающие перечисление, порядок следования сообщения, связь высказываний: во-нервых, во-вторых, в-третьих, наконец, в конце концов.

Обратимся к анализу указанных метатекстовых вводных элементов.

А вот Никите Ивановичу, стало быть, ни семья, ни баба, ни соседи не надобны, и печь хоть сто раз погасни, - ему все равно. Пыхнул, - и разжег. Он, стало быть, и закурит когда хочет, хоть он в лесу, хоть в поле, хоть где, - огонек с собой (Т. Толстая. «Кысъ»).

Пришедший человек, лет под сорок, был черен, оборван, покрыт засо-

хшей грязью, смотрел по-волчьи, исподлобья. М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Метатекстовые вводное сочетание в общем, вообще указывает на то, что данное высказывание является обобщением ранее изложенного. Кроме того, употребление предложно-падежных сочетаний в общем, вообще в процессе коммуникации обусловлено тем, что наличие, проявление данного признака, факта есть обобщенное выражение проявления некоторых других признаков, фактов, то есть данный признак имеет место лишь через посредство отдельного, отдельных признаков, явлений, не имеет прямого соответствия в этом отдельном, в действительности.

Обратимся к примеру:

Так точно и в школах в старое время учили нас обращаться с природой. Выведут в поле, мы возьмем по цветку и ну обрывать лепестки и считать, сколько у цветков лепестков, сколько тычинок, пестиков какая чашечка и т.п. А в общем, с цветами получается то же самое что с детской игрушкой разломан, ощипан образ исчез - и нет ни цветка ни игрушки (М. Пришвин. «Лесная капель»).

При использовании вводного элемента *итак* говорящий не только подводит итог сказанному, но акцентирует внимание собеседника.

- Мы вас испытывали, —продолжал Воланд, —никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут! Садитесь, гордая женщина! —Воланд сорвал тяжелый халат с Маргариты, и опять она оказалась сидящей рядом с ним на постели.

*- **Итак**, Марго, - продолжал Воланд, смягчая свой голос, —чего вы хотите за то, что вы были сегодня у меня хозяйкой?* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Вводный элемент ***итак*** в данном контексте используется не только с целью обобщить ранее изложенное, но и привлечь попутно внимание собе-

седника к итогу изложения, добиваясь немедленной реакции от адресата.

Если в научных жанрах вводный элемент значит используется только для подведения итога изложенного (сказанного) в процессе коммуникации, то в художественном тексте - маркирует тривиальное положение вещей.

Обратимся к примеру:

Я на мгновение «вспыхнул» от радости, —опять, значит, есть возможность куда-нибудь поехать, —но тотчас ж:е это чувство сменилось болью: значит, совсем конец горькой оюалостью к отцу, к матери, к Оле: мы тут веселы, беспечны, у нас весна, люди, город, а они там в глуши, в одиночестве, в думах только о нас, а вот теперь и о своей близкой бесприютности,.. (И. Бунин. « Жизнь Арсеньева»).

Метатекстовые вводные элементы используются коммуникантами в процессе речевого общения с целью «поправки» или уточнения основного содержания текста. Для характеристики коммуникативной значимости высказывания или какой-либо его части используется вводное сочетание междсу прочим. Будучи употреблено как вводное, оно равнозначно словосочетаниям мимоходом сказать, кстати сказать.

Данные метатекстовые элементы указывают на факультативность, второстепенность высказывания или его части с точки зрения коммуникативной перспективы высказывания или комплекса высказываний. Говорящий употребляет вводные элементы между прочим, мимоходом сказать, кстати сказать использует с прагматической установкой пояснить и прокомментировать сказанное и выразить неопределенное отношение к разбираемой теме, ситуации.

В письменном отзывах о его успехах, присланном на рождестве, в отзыве, весьма обстоятельном, где, под рубрикой «Общение замечания», пространство, с плеоназмами, говорилось о его вялости, апатии, сонливости, неповоротливости и где баллы были заменены наречиями, оказалось одно

«неудовлетворительно», —по русскому языку —и несколько «едва удовлетво-
Рительно», —между прочим, по математике (В. Набоков. «Защита Лулси-На»).

Вводный элемент *кстати* указывает на факультативность, второстепенность высказывания или его части с точки зрения коммуникативной перспективы высказывания или комплекса высказываний.

Высказывания или их части, содержащие данное вводное слово, имеют характер пояснения, комментария к сказанному. Семантическая расшифровка высказывания, содержащего вводный элемент кстати такова: «говорящий припоминанает дополнительную информацию по факту изложенного, выражает неопределенное отношение к указанной теме, ситуации и ее действующим лицам, оптимизируя тем самым дальнейшее речевое общение».

Обратимся к примерам.

Я спросил Люку —чем она теперь занята. Она ответила:
- Сейчас я работаю фотокорреспондентом. И откровенно скажу — чрезвычайно довольна этой специальностью. Это искусство требует не в меньшей мере и вдохновения и творчества... Кстати, не хотите ли пойти со мной в зоосад —мне там надо заснять несколько зверюшек (М. Зощенко. «Литературные анекдоты»).

Вводный элемент *кроме того* может служить для указания на добавочный, коммуникативно менее значимый характер высказывания или его части по отношению к сказанному ранее. Однако при этом отношение коммуникативной добавочности далеко не всегда означает «добавочность» тех фактов, явлений, о которых идет речь в высказывании. Последние могут быть или независимыми, самостоятельными, или однородными по своей реальной значимости относительно друг друга.

Например:

Филюрин вынул бархатную тряпш^у, смахнул пыль с ботинок и присел на каменный цоколь отдохнуть. Он просидел недвиэюимо минут десять, мысленно распределяя жалованье. Из тридцати пяти рублей, полученных сейчас Егором Карловичам за полмесяца в отделе благоустройства Пищ-Ка-Ха, рублей шесть оторвала секта похитителей членских взносов. Кроме того, предстояло неприятное объяснение с квартирохозяйкой, мадам Безлюдной (И. Ильф, Е. Петров. «Светлая личность»).

Однако чаще всего сочетание *кроме того* указывает на то, что соответствующие факты, явления, о которых идет речь в высказывании, имеют относительно меньшую реальную значимость по сравнению с теми, о которых было сказано ранее, осуществление их представляется как дополнение к некоторым другим, более важным явлениям, фактам действительности.

С помощью сочетаний между тем, тем не менее, проявление фактов, явлений, о которых говориться в данном высказывании или его части, характеризуется как находяш;ееся в противоречии с фактами, о которых шла речь в предыдущем высказывании.

Большую прагматическую нагрузку несет в себе метатекстовый вводный элемент главное, который использует адресант с целью приобщения адресата к своей авторской позиции, например;

В эту минуту моэюно было видеть на лице у Смурова совершенно неистовое желание, чтобы лифт с Евгенией Евгеньевной и дядей Пашей навеки застрял, чтобы Роман Богданович провалился прялю в пасть к синему персидскому льву, вытканному на ковре, и главное, чтобы исчез я —этот холодный, настойчивый, неутомимый наблюдатель (В. Набоков. «Соглядатай»).

Вчера я пошел лечиться в амбулаторию. Народу чертовски много. Почти как в трамвае. И, главное, интересно, отметить, —самая большая очередь к нервному врачу, по нервным заболеваниям (М. Зощенко. «Врачевание и психика»).

Прагматическая нагрузка метатекстовых вводных элементов состоит также в том, что она отражает взаимоотношение между мыслями коммуниканта, позволяя представить одно событие с различных позиций адресанта и «отражает стремление говорящего к точности выражаемой информации в соответствии с его представлениями» [Манаенко Г.Н., 2003: 188].

Ермолай Иванович не возгордился описанным подвигом, и, напротив, какая-то мрачная тень легла на его лигр. Ясным, твердым, звучным голосом я сообщил, что и завтракал и обедал, и отказался в категорической форме и от нарзана и клюквы (М. Булгаков. «Театральный роман»).

А Егор с Колькой молча стояли рядом. Загораживаясь от эюара руками, глядели, как корчились, сгорая, муравьи, как упорно не разбегались они, а, наоборот, презирая смерть, упрямо лезли и лезли в самое пекло в тъцетной надежде спасти хоть одну личинку (Б. Васильев. «Не стреляйте в белых лебедей»).

Вводные словосочетания с одной стороны, с другой стороны указывают на отношения контрастного соединения, сопоставления между высказываниями или их частями. Формула введения показателя субъективной оценки в содержание высказывания, такова: «есть положительное и отрицательное в том, что говорю, и я побуждаю тебя порассуждать об этом».

Метатекстовые вводные элементы, которые указывают на степень обычности передаваемой информации, П.А. Лекант именует как вводно-обобщительные, основная прагматическая семантика которых - показать различную «степень обычности» [Лекант П.А., 1988: 3].

При употреблении вводного слова бывает говорящий стремится ввести слушающего в свое «повествовательное пространство».

Данный вводный элемент, как правило, занимает препозицию в высказывании.

Вводные предложно-падежные сочетания по сути, по существу, в сущности указывают на характер производства высказывания. Данные соче-

тания параллельно употребляются со словами внешне и но форме, что еще более усиливает стенень значимости проявления того или иного признака, явления, факта, о котором говорится в тексте.

Например:

Несмотря на свой высокий пост, казалось, что он всего лишь бежал в хвосте событий. И это было именно так. Он (Керенский), в сущности, был крошечной пылинкой в круговороте революционных событий. Правда, за его спиной таились значительные силы контрреволюции. Но этим силами Керенский не располагал по своему усмотрению. Даже больше - эти силы, как мы увидим, сами стремились уничтожить его (М. Зощенко. «Керенский»).

Метатекстовые вводные элементы могут использоваться коммуникантом при конкретизации, уточнения предыдущей информации и указывать на связь с более широким контекстом речи.

Основная прагматическая нагрузка этих вводных элементов состоит в том, чтобы пояснить онределенную номинацию.

Например:

Надо заметить, что редактор был человеком начитанным и очень умело указывал в своей речи на древних историков, например, на знаменитого Филона Александрийского, на блестяще образованного Иосифа Флавия, никогда ни словом не упоминавших о существовании Иисуса (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Логическую основу пояснительных отношений всегда составляет мысль о тождестве, суть которой сводится к тому, что два члена предложения имеют обшую денотативную отнесенность, причем она устанавливается только самим говоряш;им.

Пояснение существенно обогащает предложение в содержательном отношении. Во-первых, оно несет в себе новую информацию, а во-вторых, может иногда являться главной смысловой частью сообщения. В подобных случаях два обозначения одного и того же явления в пределах высказывания распределяются следующим образом: первое представляет собой лишь самое

общее указание на тот или иной предмет или «признак», а второе называет его (конкретизирует).

Например:

Вчерашний день, таким образом, помаленьку высветлялся, но Стену сейчас гораздо более интересовал день сегодняшний и, в частности, появление в спальне неизвестного, да еще с закуской и водкой (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

При употреблении в составе высказывания данных метатекстовых вводных элементов говорящий реализует различные коммуникативные установки: конкретизирует что-либо в сообщении, тем самым, акцентируя внимание собеседника на каком-либо факте, явлении, и при этом разъясняет, более точно обозначает указанные ранее факты.

Например, коммуникативная нагрузка вводного элемента прежде всего, указывает на первоочередной, наиболее значимый характер данного высказывания или его части среди других высказываний или их частей, являющихся логическим продолжением, развитием ранее сказанного.

При собственно пояснении, оформлении высказывания употребляются следующие вводные элементы: иначе (говоря), иными словами, лучше сказатъ, проще сказать, откровенно говоря, короче говоря, можно сказать, иными словами, прелсде всего и т.п.

Например:

Тут я, скажу откровенно, совершенно сомлела, потому что я только сегодня днем впервые услышала об этом движении и еще не представляла себе, что можно об этом сказать что-нибудь определенное (М. Зощенко. «Возмездие»).

Данные вводные элементы способны маркировать эмоциональную оценочность (преимущественно негативную, например, иронию, сарказм, недовольство и под.)-

Конечно, оно и сейчас, мягко говоря, не так уж; симпатично ехать в

трамвае, а тогда и подавно будет немыслимо. Тут не только, я извиняюсь, на подножках, тут на электрической дуге будут ехать (М. Зощенко. «Деньги»).

Грубо говоря, случилось это прошлой зимой: Берг поднялся из небытия, поклонился и опустился опять, но уэюе не в прежние небытие, а в кресло (В. Набоков. «Возвраъцение Чорба»).

Употребление вводного элемента так сказать, как правило, сопряжено с подыскиванием более подходящего именования той или иной номинации и вуализацией категоричности высказывания.

Вот уж как Венедикт Октябрьский Выходной терпеть не мог, - да и кто его любит, разве мурза какой, и то по должности, - но все же какое-никакое, а развлечение было, и на людей посмотреть, и, глядишь, из Склада чего выдадут.

Да теперь это нам без надобности. Вот в природе маета, и в голове маета. Заняться, - ну нечем. Как бы сказать, скука (Т. Толстая. «Кысь»).

Метатекстовые вводные элементы призваны обозначать порядок движения мыслей не только в числовой последовательности, но и по степени важности, определенной значимости.

Анализ показывает, что в ходе своих рассуждений автор текста использует принцип сжатости в передаче информации.

Например:

Книги, черневшие на столе, были вот какие: ео-первых, современный роман, который Цинциннат в бытность свою на свободе прочитать не удосужился; во-вторых, одна из тех без числа издаваемых хрестоматий, в которых собраны сжатые переделки и выдержки из древней литературы; в-третьих, переплетенные номера старого журнала; в-четвертых, несколько потрепанных томиков плотненького труда на непонятном языке, принесенных по ошибке,- он этого не заказывал (В. Набоков. «Приглашение на казнь»).

При этом необходимо отметить, что вводные слова этой группы, отражая пути логического построения и движения мыслей в тексте, употребляются говорящим (пишущим) так: слово во-первых выделяет наиболее важное, существенное в высказывании, а дальнейшая последовательность отражает меньшую степень значимости, выраженную в цифровом эквиваленте, например:

Новый радист на корабле —событие огромной важ:ности.
Во-первых, этот парень не долж:ен быть трепачом. Радист ведь знает все: кому пишут, кому не пишут; кого ждут, кого не ждут; у какого судна какой улов; какие новости в управлении тралового флота; у кого родился ребенок, а с кого —алименты...
Во-вторых, он не должен быть «барином». Вместе со всеми он должен уметь стоять на подвахте —щкерить рыбу, скалывать лед, выбирать сети. И совсем не обязательно, чтобы он так уж мастерски все это делал.
Ну, а в-третьих, радист должен быть просто компанейским парнем - не бирюком, не сквалыгой (Ю. Визбор. «Банка удачи»).

Будучи вводным, оно указывает и на то, что данное высказывание или его часть являются завершающими в ряду однородных по отношению к ранее сказанному. Это свойство – «логизировать» текст, проявляется в последовательном употреблении вводных элементов во-первых, во-вторых..,, наконец. В этом случае последовательность высказываний и их частей определяется не временной последовательностью осуществления признаков, явлений, о которых идет речь в высказываниях, а логически.

Например:

Это, во-первых, ведение боевых действий; во-вторых, организация, собственного снабжения; в-третьих, восстановление многочисленных коммуникаций; в-четвертых, воспитание громадных масс сбывших гоминдановских солдат, влившихся в армию; в-пятых, осуществление на первом этапе, после занятий новых территорий, всех основных административных функ-

ций в городах и организация сельской власти; в-шестых, проведение массовой разъяснительной и воспитательной работы среди населения во вновь освобожденных районах; наконец, в-седъмых, борьба на территории вновь освобожденных районов с гоминдановским подпольем, с саботажем и пропагандой реакционеров (К. Симонов. «В эти годы»).

Метатекстовые вводные элементы употребляются говорящим для реализации следующих прагматических установок:

1. Акцентировать внимание собеседника на определенной номинации в тексте;
2. Указать на большую или меньшую степень значимость того или иного признака в тексте;
3. Логизировать текст, нри этом раскрывая ход рассуждений коммуниканта;
4. Маркировать тривиальное положение вещей;
5. Представить авторский комментарий по отношению к той или иной теме или ситуации;
6. Объективировать эмоциональную оценочность.

Итак, все семь групп метатекстовых вводных элементов, которые используются как показатели субъективной оценки в высказывании, способны отражать коммуникативные интенции говорящего, и обозначать своеобразные ориентиры для партнеров по коммуникации в организации и логическом изложении содержания всего текста.

2.7. Вводные элементы в свете теорин речевых актов

Теория речевых актов активно разрабатывается в настоящее время в рамках коммуникативно-прагматической лингвистики. Поиски методики приложения теории речевых актов осуществляются в двух направлениях, учитывающих:

1) с помощью каких средств и какими способами реализуется речевой акт определенного иллокутивного класса;
2) какие иллокутивные функции выполняют речевые произведения.
Исследования коммуникативно-прагматических свойств вводных элементов возможно в русле второго из названных подходов к анализу речевых актов. То есть, возможен ответ на вопрос: что «делает» субъект речи в акте речевого общения, если в состав высказывания он включает вводную конструкцию определенной функционально-семантической группы, в зависимости от характера реализуемых вводными элементами коммуникативно-прагматических установок субъекта речи в типичных ситуациях общения.

Современная лингвистическая прагматика по-разному трактует единицы речевого общения:
а) речевые акты, каждый из которых обладает определенным целевым потенциалом;
б) речевых ходов, как системы взаимодействия коммуникативных ролей, гарантирующей беспрерывное протекание разговора и вклады каждого из коммуникантов в развитие дискурса в рамках речевых взаимодействий (интерсекций), и кончая дискурсом как целевым речевым событием;
в) контекстов (Н.Д. Арутюнова, И.П. Сусов), в том числе сверхфразовых единств и абзацев как минимальных смыслонесущих единиц коммуни -кации (А.А. Мецлер 1990).

В качестве центральной единицы в структуре речевого акта современные лингвисты выделяют высказывание, определяя его как минимальный смыслонесущий коммуникативный знак, обладающий определенной иллокутивной силой, в значительной степени, обусловленной составом элементов и смысловым содержанием этого высказывания.

Мы в своем исследовании вслед за Е.В. Падучевой считаем, что термин «высказывание» может употребляться в двух взаимодетерминированных значениях:

1) как речевое нроизведение, созданное в ходе речевого акта;

2) как синоним речевого акта (Е.В. Падучева 1985).

В научной концепции Дж. Остина - основателя теории речевых актов, сам речевой акт включает в себя локутивный, иллокутивный, перлокутивный акты.

В данной концепции основным признаком речевых актов считается признак целенаправленности - намерение говорящего, ради которого производится высказывание.

Дж. Серль, развивая идеи теории Дж. Остина, особое внимание обращает на пропозициональное содержание произносимого высказывания и его иллокутивную функцию, вследствие чего речевой акт определяется, как собственно иллокутивный акт.

Все многочисленные исследователи теории речевых актов (Ю.Д. Апресян, В.В. Богданов, А. Вежбицкая, Д. Вундермих, В.В. Лазарев, В. Мотч, Г.Г. Почепцов, И.П. Сусов и др.), признают речевой акт минимальной единицей речевого общения, отдельным фрагментом, или, в определении Г.В. Колшанского, «квантом» речевого общения и характеризуют его, как акт произнесения говорящим высказывания, обладающего некоторой целевой, или иллокутивной заданностью, ориентированной на адресата.

В рамках исследования коммуникативно-прагматических свойств вводных элементов наиболее важным для нас является то, что в процессе речевого общения у говорящего возникает потребность включить в речевой акт ту или иную вводную конструкцию для обозначения своего субъективного мнения но отношению к явлениям внеязыковой деятельности или обозначить свое эмоционально-оценочное состояние с целью достижения определенного перлокутивного эффекта.

Слушающий перлокутивным актом призван определенным образом реагировать на речевые действия говорящего и на содержание его высказывания. При этом, реакция адресата может быть в разной степени

адекватной намерениям говорящего, что проявляется в ответном речевом ходе микродиалога, как более сложного отрезка речевого общения.

Методика приложения теории речевых актов в коммуникативно-прагматическом аспекте исследования вводных конструкций осуществляется в направлении поиска ответа на вопрос: что «делает» говорящий субъект в акте речевого общения, если в состав номинативных элементов высказывания он включает вводные конструкции определенного типа, какие коммуникативные установки реализует?

Результаты, полученные в ходе указанного направления, являются основанием для анализа и типологии речевых актов, в вербальное произведение которых - высказывание - говорящий включает вводный компонент различной семантики.

Речевой акт, включающий в состав высказывания вводные элементы, представляет собой отдельный фрагмент коммуникативно-прагматической деятельности, в параметрах которого перед говорящим стоят три коммуни -кативные задачи:

1. Назвать предмет сообщения с целью передачи информации по речевому каналу;
2. Придать этому речевому сообщению определенную информационную силу;
3. Воздействовать этой информационной силой на адресата.

Вводные элементы выражают субъективную оценку говорящего, что отражается, с одной стороны, в логико-семантическом аспекте данного высказывания, как денотативная ситуация, с другой - в модально-оценочном плане, который отображает сложную систему отношений говорящего к действительности, в частности, отношение говорящего к денотативной ситуации, обозначенной в высказывании, к содержанию высказывания, к адресату, ко всей коммуникативно-прагматической речевой ситуации, в которой это высказывание осуществляется.

Эта совокупность отношениий, обозначенных вводными элементами наряду с другими языковыми средствами, формирует прагматическую направленность высказывания.

Включение вводных элементов в высказывание всегда обусловлено совокунностью коммуникативных установок говорящего субъекта: охарактеризовать в целом ситуацию, обозначенную в высказывании, охарактеризовать субъекта референции и его действие (состояние), выразить но этому новоду определенные квалификации.

Типы речевых актов, выражаемые вводными элементами.

1. Акты возмущения, негодования:

- Нет! Кооператор из Тетюшей... Максудов, не теряйте времени, - шептал Агапенов, - жалеть будете. Такой тип поразительный! Вам в ваших работах он необходим. Вы из него в одну ночь можете настричь десяток рассказов и каждый выгодно продадите. Ихтиозавр, бронзовый век! Истории рассказывает потрясающе! Вы представляете, чего он там в своих Тетюшах насмотрелся. Ловите его, а то другие перехватят и изгадят (М. Булгаков. «Театральный роман»).

Вводное предложение вы представляете использовано говорящим в частной беседе с коммуникативной установкой выразить крайнюю стенень возмущения по поводу действий адресата-оппонента.

Такой разнобой в критических суждениях несказанно удивил моего соседа —страстного любителя литературы и, кстати сказать, весьма usф вестного инж:енера —станкостроителя. Склонившись ко мне, он яростным шепотом сказал: - Ну, знаете ли, если б у нас на производственном совещании случилось бы нечто похожее, то нам пришлось бы к черту свернуть все станкостроение (М. Зоъценко. «Литературные анекдоты»).

Фатический вводный элемент используется говорящим с намерением выразить возмущение по поводу действий третьих лиц.

2. Акты восхищения, восторга:

Тут, к великому счастью, подвернулась одна охотничья компания, и, чтобы сдвинуться с места, все трое, и далее вместе с бобрами, нанялись к ней на службу. Бобры сразу же сделались счастливым талисманом охотничьей компании и получили тут множество развлечений: они знакомились со спортсменами, прогрызали дыры в палатках и в брезенте, воровали хлеб, залезали в масло, били яйца и всем мешали (М. Пришвин. «Серая сова»).

Эмотивно-квалификативный вводный элемент к великому счастью использован говорящим с коммуникативной установкой выразить восхищение по поводу во время подошедшей охотничьей компании.

3. Акты мнения, слуха, признания:

Как показывает материал, наиболее часто адресно-маркированные вводные элементы функционируют в таких типах речевых актов, как мнение; слух; признание. Например:

На запад тоже не ходи. Там даже вроде бы и дорога есть - невидная. Вроде тропочки. Идешь-идешь, вот уж и городок из глаз скрылся. С полей сладким ветерком повевает. Все-то хорошо, все-то ладно, и вдруг, говорят, как встанешь. И стошиь. И думаешь: куда же это я иду-то? (Т. Толстая. «Кысь»).

Пятнадцатого декабря прочитал: «Известный писатель Измаил Александрович Бондаревский заканчивает пьесу «Монмартрские ножи», из жизни эмиграции. Пьеса, по слухам, будет предоставлена автором Старому театру (М. Булгаков. «Театральный роман»).

4. Акты испуга:

Тимофей уехал год назад, продал хатенку и подался к сыновьям доэюиватъ.

Теперь вот вернулся. - Братушка... - охала сестра. - Может, тебя

обидели чем? Тыуэю не таись (Б. Екимов. «Пастушья звезда»).

Акцентно-вероятностный вводный элемент может использован говорящим в семейном разговоре с намерением выразить испуг по поводу опрометчивых действий адресата.

5. Акты клятвенного заверения:

Николка в ужасе прижался к стене и ставился на видение. Видение было в коричневом френче, коричневых жегитанах-галифе и сапогах с желтыми жокейскими отворотами. Глаза, мутные и скорбные, глядели из глубочайших орбит невероятно огромной головы, коротко остриоюенной.
В руках у видения находилась большая клетка с накинутым на нее черным платком и распечатанное голубое письмо... (М. Булгаков. «Белая гвардия»).

Акцентно-утвердительная вводный элемент несомненно использован говорящим с намерением убедить адресата в правдивости своих слов.

6. Акты назидания, укора:

Мало того, что он позволил себе прямые призывы к мятежу, но он еще убил стража при попытках брать его.
Вар-равван гораздо опаснее, нежели Га-Ноцри (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Метатекстовая вводный элемент мало того использован говорящим с целью укорить адресата за его неправильные действия и намерения.

7. Акты насмешки, презрения:

И вот тогда-то, прошлою весной, случилось нечто гораздо более восхитительное, чем получение ста тысяч рублей. А это, согласитесь, громадная сумма денег! (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Вводный элемент использован говорящим с коммуникативным намерением выразить насмешку по поводу действий адресата.

8. Акты одобрения, поощрения:

Александра Эрнестовна достает чудное варенье, ей подарили, вы только попробуйте, нет, нет, вы попробуйте, ах, ах, ах, нет слов, да, это что-то необыкновенное, правда лее, удивительное? правда, правда, сколько на свете живу, никогда такого... ну как я рада, я знала, что вам понравится, возьмите еще, берите, берите, я вас умоляю! (Т. Толстая. «Милая Шура»).

Акцентно-утвердительный вводный элемент правда же использован в семейном разговоре с коммуникативной установкой поощрить действия третьего лица.

После того она еще три раза выдерживала напор холодного стремительного потока и, бросаясь в воду, выносила разные вещи. В то же время Серая Сова как более сильный и опытный спасал каноэ.

К счастью, каноэ в этом случае не изменило путешественникам: пострадала только часть обшивки, брезент же был цел, и суденышко вполне могло служить в дальнейшем путешествии (М. Пришвин. «Серая сова»).

Эмотивно-квалификативный вводный элемент к счастью использован говорящим для одобрения по поводу сложившейся ситуации.

9. Акты отчаяния:

Его раздражала нежная улыбка матери при словах, которыми она как-то обмолвилась: «Видишь, это было все зря, зря, и ты бы зря погиб. Неллин муж: - другое дело, —настоящий боевой офицер, - такие не могут жить без войны, —и умер он, как хотел умереть, —а эти мальчики, которых так и косит...» (В. Набоков. «Подвиг»).

Фатический вводный элемент *видишь* использован говорящим в разговоре с коммуникативным намерением выразить отчаяние по поводу неразрещимой проблемы, которая явилась темой разговора.

10. Акты предостережения, предупреждения:

Вы не смотрите, что зал кажется маленьким, на самом деле он большой, а сборы здесь, между прочим, полные. А если старика удастся переупрямить, то, чего доброго, не пошла бы она и на большую сцену! А? (М. Булгаков. «Театральныйроман»).

Эмотивно-квалификативный вводный элемент чего доброго использован говорящим в частной беседе с намерением предостеречь адресата от опрометчивых действий и их последствий.

11. Акты раздражения, досады:

Чад плывет. Миски пар дают, ложицы стучат, свечи потрескивают.
Жарко. Повара вопят истошными голосами:
- Кто ржавь в палате курит, - выйди! Дышать ж:е нечем!
Но никто, конечно, и не пошевелится.
Добралась Варвара Лукиниъина с мискалш. Почти не пролила, хоть и толкались знатно (Т. Толстая. «Кысь»).

Акцентно-утвердительпая вводный элемент конечно использован говорящим с намерением выразить досаду по поводу действий третьего лица.

12. Акты решимости:

Стрелочник говорит:
- Знаете, я скорее вас на крышу подкину, чем буду свою породистую козу уродовать. А там за домом у меня привезены доски для строительства. И я их прислонил к дому, чтоб они на земле не валялись. Но доски лежат довольно круто. И это удивительно, если коза на крышу загила (М. Зощенко. «Загадочное происшествие»).

Вводный элемент *знаете* использован говорящим с намерением выразить отчаянную решимость действовать определенным порядком.

13. Акты согласия, подтверждения, примирения:

Эти стихи, —кончал Мортус, —возбуждают у читателя какое-то неопределенное и непреодолимое отталкивание. Друзьям таланта Кончеева они, вероятно, покажутся прелестными. Не будем, спорить, —может быть, это действительно так (В. Набоков. «Дар»).

Акцентно-вероятностные вводные элементы вероятно, может быть использованы говорящим с намерением уступить желанию адресата.

Но Фома и тут успокоил меня, объяснив, что Нван Васильевич поступает, как всегда, чрезвычайно мудро, сразу обучая массу народа какому-нибудь Сценическому приему. И действительно, Иван Васильевич сопровождал урок интересными и назидательными рассказами о том, как нужно подносить букеты дамам и кто их как подносил (М. Булгаков. «Театральный роман»).

Акцентно-утвердительная вводный элемент и действительно использован говорящим с намерением согласия по поводу основной темы разговора.

14. Акты удивления, изумления, недоумения:

- Ну, хорошо, —ответил мастер, —ведьма так ведьма. Очень славно и роскошно! Меня, стало быть, похитили из лечебницы! Тоже очень мило (М. Булгаков. « Мастер и Маргарита»).

Метатекстовый вводный элемент *стало быть* использован в частном разговоре с коммуникативной установкой выразить удивление по поводу совершившегося события.

Поликсена Торопецкая, напудренная и успокоившаяся, сидела за конторкой и писала на машинке. Я сделал поклон, стараясь, чтобы это был приятный и в то же время исполненный достоинства поклон, и голосом заговорил достойным и приятным, отчего тот зазвучал, к удивлению моему, сдавленно (М. Булгаков. «Театральный роман»).

Эмотивно-квалификативный вводный элемент *к удивлению моему* исполь-

зован говорящим с коммуникативным намерением выразить удивление по поводу совершившегося факта.

На площадке вагона стоял неизвестно как попавший в число почетных гостей Виктор Михайлович. Он принюхивался к мотору. К крайнему удивлению Полесова, мотор выглядел отлично и, как видно, работал исправно. (И. Ильф, Е. Петров. «Двенадцать стульев»).

Эмотивно-квалификативный вводный элемент *к крайнему удивлению Полесова* использован говорящим с коммуникативным намерением выразить удивление по поводу действий третьего лица.

15. Акты недоверия, сомнения:

Боязнь наказания свыше стала основным побудителем их деяний: все жили под угрозой расправы, разжалования, отправки на фронт, репрессий к родственникам. И потому, должно быть, так безжалостно мстили за этот свой страх, кому это было дозволено - пленным, гефтлингам в концлагерях, оккупированным народам (В. Быков. «Альпийская баллада»).

Акцентно-вероятностный вводный элемент использован говорящим с коммуникативным намерением выразить недоверие к представленной информации.

Выводы.

1. В лингвистической литературе последних десятилетий вводные конструкции рассматриваются в русле коммуникативной прагматики.

Данная тенденция накладывает отпечаток на классификацию вводных элементов с позиций их прагматических свойств в определенных ситуациях речевой деятельности.

Однако теоретическим основанием для коммуникативно - прагматической классификации вводных элементов служат многоаспектные подходы к данной проблеме в истории языкознания.

В связи с тем, что функционально-семантическое единство вводных элементов в течение длительного времени не удавалось сформулировать на достаточно нрочной теоретической основе, все функционально семантические классификации их в большей или меньшей степени носят отпечаток нроизвольности.

2. В настоящем исследовании мы считаем возможным рассматривать вводные элементы, в зависимости от реализуемых ими коммуникативно-прагматических установок и классифицировать следуюшим образом: акцентно-утвердительные, акцентно-вероятностные, эмотивно-квалификативные, адресно-маркированные, фатические и метатекстовые вводные элементы.

3. Адресант с помощью акцентно-утвердительных вводных элементов

акцентирует внимание адресата на всем высказывании или какой-либо его части, целенаправленно настаивает на определенной номинации, зная, что информация достоверна. В различных речевых ситуациях говорящим с помощью акцентно-утвердительных вводных элементов реализуются следующие коммуникативные установки: выражают эмоциональные квалификации по поводу сообщаемого.

Акцентно-утвердительные вводные элементы, включаясь в ситуацию речевого общения, способны охарактеризовать внесобытийную точку зрения коммуниканта; маркируют тривиальное положение дел; исключают возможные сомнения собеседцика, то есть информация, содержащаяся в высказывании, пренодносится как безапеллятивная; организуют специфическую форму полемического соотношения аргумента и контраргумента в высказывании; снижают категоричность высказывания, оптимизируя дальнейшее речевое общение, оставляя собеседнику право на собственное мнение и возможность быть услышанным.

Вводные элементы указанной выше группы в определенных контекстах способны придавать беседе наибольшую доверительность.

4. Акцентно-вероятностные вводные элементы, в определенных ситуациях речевой деятельности реализуют прагматическую семантику - различные оттенки вероятности, возможности. С помощью акцентно-вероятностных вводных элементов говорящий может реализовывать ряд прагматических установок: усиливают гипотетичность высказывания, создают ироническую тональность высказывания, снижают степень категоричности высказывания, косвенно указывают на авторизацию, представляя ход рассуждений коммуниканта, способны выразить следствие из указанных в тексте положений. Введение в высказывание акцентно-вероятностных вводных конструкций позволяет коммуниканту объективировать такие чувства как надежда, осуществление желаний.

5. Вводные элементы, имеющие экспрессивный оттенок, выражающие положительное или отрицательное отношение к содержанию высказывания

мы в своем исследовании называем эмотивно-квалификативными. С помощью эмотивно-квалификативных вводных элементов адресант реализует ряд прагматических установок: показывают различную степень оценки на оси хорошо/плохо, выражают аффективные состояиия субъекта, усиливают общий заряд эмоций уже функционирующих в высказывании, вуализируют категоричность высказывания, указывают на неопределенность высказывания с точки зрения достоверности.

6. Адресно-маркированные вводные элементы в нашем исследовании служат для выражения прикрепленности мнения или оценки к конкретной субъектной сфере, указывают на источник сообщения. Адресно- маркированные вводные элементы, функционируя в различных коммуникативно-прагматических ситуациях, способны реализовать ряд прагматических установок, к числу которых относятся: повышение степени достоверности излагаемой информации в глазах адресата за счет ссылки на иного гаранта, переложение эпистемической ответственности содержания высказывания на более компетентные источники, реализация эффекта кооперации, когда адресант мысленно кооперирует собственное мнение с мнением компетентного источника, соглашаясь с ним, снижение категоричности высказывания.

Адресно-маркированные вводные элементы побуждают адресата к принятию авторской точки зрения.

7. Прагматическая семантика фатических вводных элементов состоит в том, чтобы получить желательное для адресанта отношение адресата к высказыванию, то есть вызвать с его стороны определенную реакцию. Фатические вводные элементы реализуют «сему контакта» на всех трех фазах речевого общения (установление, поддержание, размыкание речевого контакта).

Анализ языкового материала показал, что фатические вводные элементы способны реализовать ряд прагматических установок: акцентировать внимания собеседника на всем высказывании или какой-либо его части; придать сообщению большую доверительность; волюнтативное свойство, ис-

пользуемое в императивных речевых жанрах (просьба, уговаривание, мольба, требование); апеллировать к собеседнику, тем самым объяснить истинное положение дел, рассчитывая на взаимное понимание; высказывания, которые включают фатические вводные элементы, способны подготовить «благоприятную почву» для предстоящего сообщения. Такое сообщение содержит либо жизненно важную для собеседника информацию, позитивную или негативную либо нетривиальную; фатические вводные элементы вуализируют категоричность высказывания, тем самым, продляя коммуникативный контакт; фатические вводные элементы способны объективировать такое эмоциональное состояние коммуниканта, как сожаление по поводу чего-то неосуществившегося.

8. Метатекстовые вводные элементы, как показали результаты нашего исследования, с одной стороны, связывая части текста (отдельные предложения, абзацы) являются специфическим средством межфразовой и межабзацной связи, а с другой - помогают говорящему (пишущему) решать ряд прагматических задач: акцентировать внимание собеседника на определенной номинации в тексте; указать на большую или меньшую степень значимость того или иного признака в тексте; логизировать текст, при этом раскрывая ход рассуждений коммуниканта; маркировать тривиальное положение вещей; представить авторский комментарий по отношению к той или иной теме или ситуации; объективировать эмоциональную оценочность.

9. Коммуникативно-прагматические исследования вводных элементов позволяют проанализировать их в свете теории речевых актов - в зависимости от реализации говорящим субъектом совокупности коммуникативных установок или иллокутивных интенций. Методика приложения актов осуществляется в направлении поиска ответов на вопрос: что «делает» говорящий субъект в акте речевого общения, если в состав высказывания он включает вводный элемент той или иной семантической группы и какие коммуникативные установки реализует.

Речевой акт, включающий в состав высказывания вводный элемент, представляет собой отдельный фрагмент деятельности речевого общения, в параметрах которого перед говорящим стоят три коммуникативные задачи: назвать предмет сообщения с целью передачи информации по речевому каналу, придать этому речевому сообщению определенную информативную силу, воздействовать этой информативной силой на адресата.

Включение вводных элементов в высказывание всегда обусловлено совокупностью коммуникативных установок говорящего субъекта: охарактеризовать ситуацию, обозначенную в высказывании и субъекта референции и его действие (состояние), выразив по этому поводу определенные квалификации.

Вводные элементы участвуют в таких актах общения, как: акты возмущения, негодования; акты восхищения, восторга; акты мнения, слуха, признания; акты испуга; акты клятвенного заверения; акты назидания, укора; акты насмешки, презрения; акты одобрения, поощрения; акты отчаяния; акты предостережения, предупреждения; акты раздражения, досады; акты решимости; акты согласия, подтверждения, примирения; акты удивления, изумления, недоумения; акты недоверия, сомнения.

Заключение

Коммуникативно-прагматическое исследование вводных и вставных элементов современного русского языка представляет собой перспективное направление лингвистических исследований, которое изучает способы использования синтаксических средств языка, в частности, вводных и вставных элементов в деятельности речевого общения в процессе межличностного взаимодействия.

В речи существуют и категориально различаются вводные элементы и вставные элементы. Вводный элемент определяется с позиций коммуникативно-прагматической лингвистики как компонент высказывания, формирующий модальный план и реализующий определенные коммуникативно-прагматические установки говорящего. Вставные элементы определяются как особое синтаксическое явление, выходящее за рамки осложненного и сложного предложения; вставка создает «двутекст» с включающим предложением и выражает метакоммуникативное содержание.

В параметры, определяющие системную структуру коммуникативно-прагматической ситуации с использованием вводных и вставных элементов, включаются: говорящий субъект, реализующий свои коммуникативные установки; адресат, воспринимающий информацию; общая цель деятельности коммуникантов, определяющая речевой способ общения и выбор вводных и вставных элементов языка как выражение субъективной позиции говорящего.

Коммуникативная установка говорящего субъекта, использующего вводные и вставные элементы в деятельности речевого общения, является одним из ведущих факторов общения и представляет собой предрасположенность деятельности речевого общения к передачи информации с помощью вводных и вставных элементов языка с расчетом на достижение прогнозируемого результата общения. Коммуникативная установка содержит план коммуникативных намерений в аспекте которого говорящий стремится посредством вводных и вставных элементов передать адресату различную информацию, а также план прагматического расчета с помощью которого коммуникант планирует достижение определенного результата в воздействии на адресата.

Мы полагаем, что с позиций коммуникативной прагматики классификацию вводных элементов можно представить следующим образом: акцентно-утвердительные, акцентно-вероятностные, эмотивно-квалификативные, адресно-маркированные, фатические и метатекстовые вводные элементы.

Адресант с помощью акцентно-утвердительных вводных элементов акцентируют внимание адресата на всем высказывании или какой-либо его части, целенаправленно настаивает на определенной номинации, зная, что информация достоверна. Акцентно-вероятностные вводные элементы, в определенных ситуациях речевой деятельности реализуют прагматическую семантику - различные оттенки вероятности, возможности.

Вводные элементы, имеющие экспрессивный оттенок, выражающие положительное или отрицательное отношение к содержанию высказывания называются эмотивно-квалификативными.

Адресно-маркированные вводные элементы служат для выражения прикрепленности мнения или оценки к конкретной субъектной сфере, указывают на источник сообщения.

Фатические вводные элементы реализуют «сему контакта» на всех трех фазах речевого общения (установление, поддержание, размыкание речевого контакта).

Метатекстовые вводные элементы, как показали результаты нашего исследования, с одной стороны, связывая части текста (отдельные предложения, абзацы) являются специфическим средством межфразовой и межабзацной связи, а с другой - помогают говорящему (пишущему) решать ряд прагматических задач: акцентировать внимание собеседника на определенной номинации в тексте; указать на большую или меньшую степень значимости того или иного признака в тексте; логизировать текст, при этом раскрывая ход рассуждений коммуниканта; маркировать тривиальное положение вещей; представить авторский комментарий по отношению к той или иной теме или ситуации; маркировать эмоциональную оценочность.

Коммуникативно-прагматические исследования вводных элементов позволяют проанализировать их в свете теории речевых актов - в зависимости от реализации говорящим субъектом совокупности коммуникативных установок или иллокутивных интенций.

Вводные элементы участвуют в таких актах общения, как: акты возмущения, негодования; акты восхищения, восторга; акты мнения, слуха, признания; акты испуга; акты клятвенного заверения; акты назидания, укора; акты насмешки, презрения; акты одобрения, поощрения; акты отчаяния; акты предостережения, предупреждения; акты раздражения, досады; акты решимости; акты согласия, подтверждения, примирения; акты удивления, изумления, недоумения; акты недоверия, сомнения.

В работе описываются три группы коммуникативно-прагматических вставных элементов, способных реализовывать коммуникативные установки: текстопропозитивные, эмотивно-оценочные, контаминированные вставные элементы.

Текстопропозитивные вставные элементы на уровне высказывания призваны пояснять, уточнять, дополнять пропозиционное содержание высказывания. Адресант при включении текстопропозитивных вставных элементов в содержание основного высказывания решает следующие прагматические задачи: уточняет информацию основного содержания высказывания путем обозначения. возможной альтернативной ситуации; передает информацию как достоверную или проблематичную; акцентирует внимание собеседника на информации представляемой в содержании основного высказывания; максимально адаптирует передачу информации к восприятию адресата; снижает категоричность высказывания; повышает степень достоверности информации за счет цитируемого источника; представляет ход рассуждений коммуниканта.

Эмотивно-оценочные вставные элементы ярко выражают эмотивно-оценочное отношение говорящего: к содержанию текста, к жанру текста и к адресату. Вплетаясь в ткань основного высказывания, эмотивно-оценочные вставные элементы с точки зрения их смыслового наполнения способны реализовать ряд прагматических установок говорящего, таких, как: ввести положительную, отрицательную информацию по отношению к описываемому в основном высказывании; по отношению к самому себе или оформлению ре-

чевого высказывания; создать ироническую тональность высказывания; вуализировать категоричность высказывания.

Контаминированные вставные элементы сочетают в себе коммуникативно-прагматическую нагрузку текстопропозитивных и эмотивно-оценочных вставных элементов.

Материал исследования позволил выделить следующие речевые установки при введении в ткань основного высказывания контаминированных вставных элементов: сообщить, уточнить или разъяснить информацию, необходимую для адекватного восприятия мысли, передаваемой основным высказыванием; усилить впечатление от высказывания, дав субъективную оценку сообщаемому; прокомментировать сообщаемое в основном высказывании в более лаконичной или, наоборот, развернутой форме.

Таким образом, вводные и вставные элементы, используемые в условиях коммуникативно-прагматической деятельности содержат в себе субъективную информацию к реалиям окружающей действительности, и эта информация, с позиции отправителя речевого сообщения, призвана реализовать определенный набор коммуникативных установок и эффективно воздействовать на адресата.

Литература

1. Азнаурова, Э.С. Слово, как коммуникативная единица языка / Э.С. Азнаурова // Коммуникативные единицы языка / Моск. гос. нед. ин-т. иностр. яз. —М., 1984. —С . 10—3.

3. Азнаурова, Э.С. Прагматика художественного слова / Э.С. Азнаурова — Ташкент: ФАН, 1988. —21 с.

4. Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного языка / Г.Н. Акимова — М.: Высш. шк., 1990. —166 с.

5. Алгазина, Т.С. Вводно-союзные компоненты в структуре предложения и текста: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Алгазина Татьяна Сергеевна. — М.,1994. —6 с.

6. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко — Волгоград: Перемена, 1999. —273 с.
7. П. Аникин, А.И. Основные грамматические и семантические свойства вводных слов и словосочетаний / А.И. Аникин // Русский язык в школе. — 1956. — №4. —С . 22 —7. 174
8. Аникин, А.И. Вводные слова и их соотношения с структурно-семантическими категориями слов в современном русском языке / А.И. Аникин // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. —М., 1958. —Т. 132. —С. 5 —33.
9. Анисимова, Л.В. Вводно-модальные слова в их отношении к структуре предложения: автореф. дис. .. .канд. филол. наук / Анисимова Л.В. — Воронеж, 1982. —9 с.
10. Апресян, Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря / Ю.Д. Апресян // Прагматика и проблемы интенсиональности Сб. науч. тр. — М., 1988. —С. 7 —5.
11. Бабайцева, В.В. Современный русский язык учебник в 3ч. Ч.3. Синтаксис. Пунктуация / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов.
—М.: Просвеш;ение, 1981. — 271 с.
12. Бабайцева, В.В. Русский язык: Теория: учебник для 5-9 кл. / В.В. Бабайцева, Л. Д. Чеснокова. —М.: Просвеш;ение, 1993. —56 с.
13. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко —Свердловск: Изд-во Урал, ун-та, 1989. —84 с.
14. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш Балли —М.: Изд-во иностр. лит., 1955. —416 с. 175
15. Баранов, А.Н. Вводные слова в семантической структуре предложения / А.Н. Баранов, И.М. Кобозева // Системный анализ значимых единиц русского языка.
16. Баранов, А.Н. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А.Н Баранов, В.А. Ппунгян.—М., 1993. —207 с.
17. Биренбаум, ЯГ. Пространство вводности и придаточные предложения:

пособие по спецкурсу / Я.Г. Биренбаум. —Челябинск: Изд-во Челябинск, гос. пед.ин-та, 1976. —17 с.
18. Белошапкова, В.А. О принципах описания русской синтаксической

системы в целях преподавания русского языка нерусским / В.А. Белошапкова // Русский язык за рубежом. —982. —JN≫ 2. —С. 76 —80.
19. Белошапкова, В.А. Синтаксис / В.А. Белошапкова // Современный русский язык. 3-е изд., испр. и доп. —М.: Азбуковник, 1997. —С. 606-868. 30. Бенвенист, / Э. Бенвенист. —М.: Прогресс, 1974. —447 с.
20. Беляева, Е.И. Достоверность / Е.И. Беляева // Теория функциональной грамматики —991. —С. 157 —70.
21. Богданов, В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов —Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1990. —88 с.
22. Богородицкий, В.А. Общий курс русской грамматики / В.А. Богородицкий. —М.: Наука, 1935. —240 с.
23. Богушевич, Д.Г. Единица. Функция. Уровень. К проблеме классификации единиц языка / Д.Г. Богушевич. —Минск: Выш. шк., 1985. —116 с.
24. Бондаренко, В.П. Виды модальных значений и их выражение в языке / В.П. Бондаренко // Филол. науки. —1979.—№2. —С. 58 —59.
25. Булыгина, Т.В. О границах и содержании прагматики / Т.В. Булыгина // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. —981. —Т.40. —№4. —С. 336 —341.
26. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгииа, А. Д. Шмелев—М., 1997.
27. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. —М.: Учпедгиз, 1959. —624 с.
28. Бухарин, В.И. Вводные слова в аспекте актуального членения / В.К Бухарин//Вопросы языкознания. —984.—№1. —С. 101 —05.
29. Бюлер, К. Теория языка: Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. —М.: Прогресс, 1993. —502 с.
30. Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка: учебник для ву-

зов/Н.С.Валгина.—М.,1991. —32 с.
31. Валгина, Н.С., Розенталь Д.Э. Современный русский язык / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь.—М.: Высш. шк., 1966. —495 с.
речь. —984.—№6. —С . 37 —0.
32. Вежбицкая, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. —М., 1978. —Вьш. 8. —С. 402 —422.
33. Вежбицкая, А. Речевые аспекты / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. —М.: Прогресс, 1985. —Вьш. 16. —С. 251 —75
34. Величко, Л.И. Работа над текстом при изучении вводных слов /
Л.И. Величко // Русский язык в школе. —980.—№6. —С. 31 —34. 177.
35. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // «Труды Ин-та русского языка АН СССР». — Вьш. П. —950. щ Ф 52. Виноградов, В.В. Из истории изучения русского синтаксиса /
В.В. Виноградов—М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1958. —400 с.
36. Виноградов, В.В. Русский язык / Грамматическое учение о слове /
В.В. Виноградов. —М.: Высш. шк., 1972. —614 с.
37. Виноградов, В.В. Русский язык: учеб. пособие для вузов /
В.В. Виноградов. —М.: Высш. шк., 1972. —614 с.
38. Виноградов, В.В. Исследования по русской грамматике /
В.В. Виноградов.—М.: Иаука, 1975. —559 с.
39. Виноградов, В.В. Основные принципы русского синтаксиса в «Грамматике русского языка» / В.В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. —М.: Высш. шк., 1975. —520 с.
40. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов — М.:Наука, 1980. —60 с.
41. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // История советского языкознания: Некоторые аспекты общей теории языка.—М., 1981. —С. 310 —316.
42. Виноградов, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове /

В.В. Виноградов.—М.: Высш. шк., 1986. —640 с.

43. Виноградов, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов.—М.: Рус. яз., 2001. —720 с.

44. Винокур, Т.Г. Информационная и фатическая речь, как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего / Т.Г. Винокур // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. —М., 1933. —Т.1. —С . 5 —9.

45. Волкова, Л.Г. Фатическая функция и синтаксические средства ее реализации: формальный, семантический, коммуникативно-прагматический аспекты: ав- 178 тореф. дис. .. .канд. филол. наук / Волкова Людмила Геннадьевна. —Томск, 1998. —19 с.

46. Вольф, Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/ Плохо» / Е.М. Вольф // Вопр. языкознания. —1986. —№5. —С. 98 —106.

47. Востоков, А.Х. Русская грамматика 12-е изд./ А.Х. Востоков. —СПб, 1831. —16с.

48. Востоков, В.В, О вводно-модальных элементах, как средствах формирования и выражения субъектно-модальных значений / В.В. Востоков // Современный русский язык: Лингвистический сб. —Вьш. 16. —М., 1976. —С. 103 —112.

49. Выготский, Л.С. Мыпшение и речь / Л.С. Выготский. // Избранные психологические исследования.—М.: АПН РСФСР, 1956. —С. 39 —386.

50. Галкина-Федорук, Е.М. Современный русский язьж. Синтаксис: учеб. пособие для пед. ин-тов. /Е.М. Галкина-Федорук. —М.: Учпедгиз, 1958. —99 с.

51. Ганич, Д.П. Вводные слова и их место в системе выражения модальных значений / Д.И. Ганич // «Научные записки»..сборник. —Т.4. —957.

52. Гвоздев, А.П. Современный русский литературный язык: в 2ч. 4.2. Синтаксис / А.П. Гвоздев.—М.: Учпедгиз, 1961 —С. 190 —91.

53. Гвоздев, А.П. Современный русский литературный язьык/ А.П. Гвоздев.

—М.: Просвещение, 1973.—Ч. I. —432 с. 179
54. Глухова, В.А. Вводные конструкции со значением следствия в русском литературном языке ХУШ в. / В.А. Глухова // Вопр. языкознания и сибирской диалектологии: Сб. статей. —Вьш.7. —Томск, 1977.
—С. 136 —140.
55. Глушак, Т.е. Роль нарантезы в макроструктурной организации функциональных стилей / Т.е. Глушак, Р.С. Самолетова // литература.
Язык, стиль, жанры.—М.: Наука, 1985.
56. Грамматика русского языка. Т.2. 4.2. / ред. коллегия: В.В. Виноградов, Е.С.Истрина.—М.: АНСССР. 1954. —44 с.
57. Грамматика русского языка. Т.2. Синтаксис. 4.2. / ред. коллегия:
В.В. Виноградов, Е.С. Истрина. —2-е изд., перераб. и доп. —АН СССР. М., 1960—154с.
58. Греч, Н.И. Практическая русская грамматика / Н.И. Греч. —СНб., 1834.
—320 с.
59. Грушевская, Т.М. Прагматическая направленность синтаксических конструкций с чужой речью / Т.М. Грушевская // Семантические и прагматические особенности язьжовых единиц в сопоставительной лингвистике: Сб. науч. тр. — Краснодар, 1994. —С. 64 —66.
60. Золотова, F.A. О модальности предложения в русском языке /
Г.А. Золотова // Филологические науки. —1962. —№4. —С. 26 —29.
61. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка /
Г.А. Золотова. —М.: Паука, 1973. —351 с.
62. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса /
Г.А. Золотова. —М.: Паука, 1982. —368 с.
63. Золотова, Г.А. Вводно-модальные слова в предложении и в тексте /
Г. А.Золотова // Ceskoslovenska msistilca. —1983.—№5. —С. 207 —211.
64. Золотова, Г.А. Субъектные модификации русского предложения /
Г.А. Золотова // Sagners slavistische sammlimg. —Mimchen, 1991. —Bdl7 —9.
65. Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка /

Г.А. Золотова, П.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. —М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. — 528 с.

66. Корнилов, А.А. Модально-конструктивная функция лексических единиц со значением категорической и проблематической достоверности в осложненном и сложном предложениях / А.А. Корнилов // Сложное предложение в системе других синтаксических категорий: Межвуз. сб. научн. тр. —Л., 1984. —С. 24 —30.

67. Краткая русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. —М.: Рус. яз., 1989. —639 с.

.Крючков, С.Е. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения / СЕ. Крючков, Л.Ю. Максимов.—М.: Просвещение, 1977. —191с.

68. Лекант, ПА. Семантика вводных компонентов в тексте / П.А. Лекант // Семантика слова и словоформы в тексте: Межвуз. сб. научн. тр. —М., 1988. —С 3 5.

69. Лекант, П.А. Синтаксические и грамматические аспекты предикации в современном русском язьже / П.А. Лекант //
Вводность - коммуникативно-прагматическая категория: Межвузовский сборник научных трудов. —М.: Паука, 1998. —С 38 —5.

70. Ломоносов, М.В. Российская грамматика в 11т. Т.7. / М.В. Ломоносов — М. —Л., 1952. —С 550 —53.

71. Ломоносов,М.В. Грамматика русского языка / М.В.Ломоносов. — СПб., 1757. —53 с.

72. Ломтев, Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка / Т.П. Ломтев. —М.: Учпедгиз, 1958. —С 122 —23.

73. Лукьянова, Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблема семантики / Н.А. Лукьянова. —Новосибирск: Наука, Сиб. отдние, 1986.—227 с.

74. Манаенко, Г.Н. Осложненное предложение в язьыке и речи: Очерки по теории и методологии исследования / Г.Н. Манаенко. —Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. —55 с.

75. Маркарян, Р.А. Грамматический и стилистический анализ вводных слов и оборотов / Р.А. Маркарян // Русский язык в армянской школе. —1987. —№3. — С. 24 —2.
76. Маркелова, Т.В. Взаимодействие оценочных и модальньк значений в русском язьже / Т.В. Маркелова // Филологические науки. —1996. —№1. — С. 80 —89.
77. Медникова, Э.М. Прагматика и семантика коммуникативньк единиц / Э.М. Медникова // Коммуникативные единицы языка. —М.: Изд-во Моск. пед. Ин-та иностр. яз., 1984. —С. 78 —79.
78. Мецлер, А.А. Прагматика коммуникативньк единиц / А.А. Мецлер. — Кишинев, 1990. —00 с.
79. Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи / И.И. Мешанинов. —М., Л., 1945. —88 с.
80. Москвин, В.П. Акцентирование как лингвистическая проблема: опыт решения / В.П. Москвин // Функциональные аспекты русского языка: сб. науч. тр.
—Волгоград: Перемена, 2005. —204 с.
81. Овсянико-Куликовский, Д.Н. Синтаксис русского языка, 2-е изд. / Д.Н. Овсянико-Куликовский. —СПб, 1912. —297 с.
82.Онишко, С.Г. Вставные элементы в функции средства метаязыкового комментария номинаций: автореф. дис. .. .канд. филол. наук / Онишко Сергей Григорьевич. —Воронеж, 1997. —9 с.
83. Панфилов, В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения / В.З. Панфилов // Вопр. языкознания. —977. —№4. —С . 37 —9. Ш
84. Петров, Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности / НЕ. Петров.—Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1982. —С. 7 —9.
85. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. —М., 1938. —452 с.
86. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. /

А.М. Пешковский. —М.: Просвещение, 1956. —420 с.
87. Плоткин, В.Я. О связи вводных элементов с предложением и его частя-ф ми (на материале английского языка): автореф. дис. .. .канд. филол. наук / Плоткин Вульф Яковлевич. —Л., 1959.
88. Плотников, Б.А. Соотношение коммуникативного и прагматического аспектов языковых единиц / Б.А. Плотников // Коммуникативные единицы языка. —М.: Изд-во Моск. пед. ин-та иностр. яз., 1984. —С. 95 —96.
89. Пляскина, М.В. Модальные слова группы категорической достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты: автореф. дис. .. .канд. филол. наук / Пляскина Маррша Владиславовна. — Новосибирск, 2001.
90. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике: Т. 1-2. / А.А. Потебня. —Харьков.: Изд-во Харьков, гос. ин-та, 1958. —С. 291 —297.
91. Почепцов, Г.Г. Предложение / Г.Г. Почепцов // Теоретическая грамматика современного английского языка. —М.: Паука, 1981. —С. 164 —281.
92. Поченцов, Г.Г. О месте прагматического элемента в лингвистическом описании / Г.Г. Поченцов // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. —Калининград.: Изд-во Калинин, ун-та, 1985. —С. 26 —38.
93. Почепцов, Г.Г. Слушатель и его роль в актах речевого общения / Г.Г. Почепцов // Языковое общение: Единицы и регулятивы. —Калининград, Изд-во Калинин, ун-та, 1987. —С. 26 —38.
94. Почтенная, Т.Г. Современный русский язык. Синтаксис / Т.Г. Почтенная.—М., 1968.—48 с.
95. Прияткина, А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения: учеб. пособие для филол. спец. вузов / А.Ф. Прияткина. —М.: Высш. шк., 1990. — 175 с.
96. Розенталь, Д.Э. Вводные и вставные конструкции / Д.Э. Розенталь//Современный русский язык. 4.2. Морфология. Синтаксис / Под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. -М., 1961.—С. 510 —513.
97. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов /

Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. -М., 1985. —399 с.

98. Романов, Д.А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований (на материале русского языка): автореф. дис.д-ра филол. наук / Романов Дмитрий Анатольевич. —Белгород, 2004. — 48 с.

99. Романова, Р.М. Методика вводных и вставных предложений в современном русском языке: автореф. дис. .. .канд. филол. наук / Романова Р.М. — Л.,1971. —0 с.

100. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии: В 2т. Т.1. /
С.Л. Рубинштейн. —М.: Педагогика, 1989. —488 с.

101. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис / под ред. П.Ю. Шведова. — М.:Паука, 1980. —10 с.

102. Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. —М.: Паука, 1993. —Т. 1. —С. 5 —29.

103. Русский язык: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений /
Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, Л.П. Крысин [и др.]; Под ред. Л.Л. Касаткина. —М.:
Издательский центр «Академия», 2001. —768 с.

104. Рудковская, М.П. Вводно-модальные элементы в публицистических текстах: автореф. дис канд. филол. наук / Рудковская М.П.—М., 1982. —24 с.

105. Руднев,А.Г. Синтаксис осложненного предложения / А.Г.Руднев. — М.: Учнедгиз, 1959. —98 с.

106. Руднев, А.Г. Синтаксис современного русского языка / А.Г. Руднев. — М.: Высш. школа, 1963. —209 с.)

107. Руднев, А.Г. Синтаксис современного русского язьжа / А.Г. Руднев. — М.: Высш. школа, 1968.-319 с.

108. Современный русский язык: учебник для филол. пед. ун-тов/ Под ред. В. А. Белошапковой. —М.: Высш. шк., 1989. —799 с.

109. Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Слово-

образование. Морфология. Синтаксис. —2-е изд., испр. и доп. / Л.А. Новиков,
Л.Г. Зубкова, В.В. Иванов [и др.]; под общ. ред. Л.А. Новикова, —СПб.: Изд-во «Лань», 1999 —64 с.
110. Современный русский язык: учебник для вузов / Под ред. Н.С. Валгиной: —Изд. 6-е, перераб. и доп.—М.: Логос, 2001. —528 с.
111. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: учеб. для студ. высщ. учеб. заведений: в 2 ч. —Ч.2: Морфология. Синтаксис / В.В. Бабайцева, Н.А. Николина, Л.Д. Чеснокова [и др.]; Под ред. Е.И. Дибровой. — М.: Издательский центр «Академия», 2002. —704 с.
112. Современный русский литературный язык: учебник / Под ред. акад. РАО В.Г. Костомарова и проф. В.И. Максимова. —М.: Гардарики, 2003. 780 с.
113. Студнева, А.И. Вводные предложения в современной русской речи / А.И. Студнева.—М.: Наука, 1968. —60 с.
114. Студнева, А.И. К вопросу о функционально-семантической характеристике вводных предложений в их соотношении с вводными словами и словосочетаниями / А.И. Студнева // Вопросы теории и методики русского языка/ Труды XI зональной научной конференции кафедр русского языка вузов Сред, и Ниж. Поволжья. —Ульяновск, 1969, —С. 208 —217.
115. Сусов, И.П. Семантика и прагматика предложения / И.Н. Сусов. —Калинин, 1980.—1с.
116. Сусов, И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы / И.Н. Сусов // Прагматика и семантика синтаксических единиц. — Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 1984. —312 с.
117. Сусов, И.Н. Проблемы языкового общения, его единиц и правил / И.П. Сусов // Коммуникативные единицы языка. —М.: Моск. пед. ин-т. иностр. яз, 1984. —С . 113 —16.
118. Сусов, И.П. Языковое общение и лингвистика / И.П. Сусов //

Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. —Калинин.: Изд-во Калин, гос. ун-та, 1985. —С . 3 —12.

119. Топтыгина, Е.Н. Средства выражения субъективно-модальных значений предположения и допущения в современном руссом языке: автореф. дис. .. .канд. филол. наук / Топтыгина Елена Николаевна. —М., 2003. —23 с.

120. Харченко, И.Н. Вводно-модальные слова категорической и проблематической достоверности в научном и научно-популярном текстах / И.Н. Харченко // Системный анализ лингвистических явлений в тексте. — Владивосток, 1988. — С. 166—73.

121. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / под ред. Т.В. Булыгиной. —М.: Наука, 1992. —279 с.

122. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка: учебник / Ред. и комментарий Е.С. Истриной. —2-е изд. —Л.: Гос. изд-во Наркомпроса РСФСР, Ленинградское отделение, 1941. —620 с.

123. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. —Воронеж.: Изд-во Воронеж, ун-та, 1987. —92 с.

124. Щеболева, И.И. Общая характеристика вставочных конструкций в современном русском литературном языке / И.И. Щеболева // Уч. зан. Кафедры русского и общего языкознания Ростовского-на-Дону гос. пединститута. — Вьш. 4(14). —Ростов-на-Дону, 1955. —С. 87 —111.

125. Щеболева, И.И. Структурные типы вставных конструкций в современном русском языке / И.И. Щеболева // Вопр. синтаксиса русского языка: сб. статей. —Ростов-на-Дону. —971. —С. 101 —113.

126. Шмелева, Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности / Т.В. Шмелева //Актуальные проблемы русского синтаксиса. — М., 1984. —С . 78 —01.

127. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / структурализм «за» и «против» / Р. Якобсон.—М.: Прогресс, 1975. —С. 193 —30.

128. Якобсон, Р. Речевая коммуникация / Р. Якобсон //Избранные работы по лингвистике. —Благовещенск: Изд-во Благовещ. гуманит. коллед. им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. —С. 306 —318.
129. Яковлева, Е.С. Значение и употребление модальных слов, относимых к разряду показателей достоверности/недостоверности: автореф. дис. .. .канд. филол. наук / Яковлева Е.С. - М., 1983.
130. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. —М.: Наука, 1994. —344 с.

Список словарей

2. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. —М.: Паука, 1988. —440 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. —2-е изд., дополненное—М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. —303 с.
4. Ожегов СП. Словарь русского языка (около 57000 слов). 18-е изд-е, стереотипное. —М.: Русский язык, 1986. —797 с.
5. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. —М., 1985. —399 с.
10.ФЭС - Философский энциклопедический словарь. —М.: ИПФРА, 1997. —76 с.__